

ФРАНСУА КЕРСОДИ

ГЕРМАН ГЕРИНГ:
ВТОРОЙ ЧЕЛОВЕК
ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

Новая версия (Этерна)

Франсуа Керсоди

**Герман Геринг: Второй
человек Третьего рейха**

«Этерна»

2009

Керсоди Ф.

Герман Геринг: Второй человек Третьего рейха / Ф. Керсоди — «Этерна», 2009 — (Новая версия (Этерна))

В начале двадцатых годов прошлого столетия капитан Геринг был настоящим героем войны, увешанным наградами и пользовавшимся большой популярностью. Патриот и очень предприимчивый человек, обладавший большим умом и неоспоримой харизмой, он отправился искать счастья в Швецию, где и нашел работу в качестве пилота авиалиний и любовь всей своей жизни. Было ли это началом сказки? Нет – началом долгого кошмара. Этого горделивого ветерана войны, честолюбивого, легко попадавшего под влияние других людей и страдавшего маниакально-депрессивным расстройством психики манили политика и желание сыграть в ней важную роль. Осенью 1922 года он встретился с Адольфом Гитлером и, став его тенью, начал проявлять себя в различных ипостасях: заговорщик в пивной, талантливый бизнесмен, толстый денди, громогласный оратор, победоносный председатель рейхстага, беззастенчивый министр внутренних дел, страстный коллекционер произведений искусства и сообщник всех преступлений, который совершил его повелитель... В звании маршала, в должности Главнокомандующего немецкой авиацией и официального преемника фюрера Геринг вступил в великое испытание Второй мировой войны. С этого момента он постоянно делал ошибки и сыграл важную роль в падении нацистского режима. Благодаря многочисленным документам, найденным в Германии, Англии, Америке и Швеции, а также свидетельствам многих людей, как, например, адъютанта Адольфа Гитлера, национал-социалистический режим нашел свое отражение в лице неординарного и противоречивого человека – Германа Геринга.

© Керсоди Ф., 2009

© Этерна, 2009

Содержание

Перечень карт	7
Введение	8
I	10
II	15
III	27
IV	36
V	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Франсуа Керсоди Герман Геринг: Второй человек Третьего рейха

Памяти Питера С. Сквайра, профессора Колледжа им. Черчилля, офицера Вооруженных сил Ее Величества и выдающегося славяноведа, который тайно, но эффективно способствовал краху «великогерманского рейха»

FRANÇOIS KERSAUDY

HERMANN GOERING

Le deuxième homme du IIIe Reich

*Ouvrage publié avec l'aide du Minist`ere franc,ais chargé de la
Culture – Centre national du livre*

*Издание осуществлено с помощью Министерства культуры Франции
(Национального центра книги)*

Перевод осуществлен по изданию:

François Kersaudy. Hermann Goering. Perrin, Paris, 2009

Дизайн – Александр Зарубин

Франсуа Керсоди – профессор Университета «Пари I Пантеон-Сорбонна», автор многочисленных книг по истории, в том числе «Де Голль и Рузвельт», «Лорд Маунтбеттен» и др. Написанная им биография «Уинстон Черчилль» была удостоена «Гран-при» по истории Французского общества писателей в 2001 году.

© Perrin, 2009 © В.В. Егоров, перевод на русский язык, 2014 © Палимпсест, 2014 © ООО «Издательство «Этерна», издание на русском языке, 2014

На данный момент не существует ни одной столь полной биографии Германа Геринга на русском языке, хотя он был вторым человеком Третьего рейха. И теперь, благодаря многочисленным документам, найденным в Германии, Англии и Швеции, а также свидетельствам многих людей, как, например, адъютанта Адольфа Гитлера, читатель сможет в книге профессора Сорбонны Франсуа Керсоди проследить судьбу этого сильного, страшного человека, полного противоречий и ошибок.

Перечень карт

Удивительно, но опубликованные в разных странах биографии Германа Геринга не содержат ни единой карты, хотя этот человек принял участие в двух десятках сражений в ходе двух мировых войн.

Из замка в замок: мир Германа Геринга, 1893–1914 гг.

Места расположения воинских частей, в которых служил лейтенант Геринг, и места сражений, в которых он участвовал, 1915–1918 гг.

Из ада в рай: полет 20 февраля 1920 г.

Неудавшаяся попытка путча 9 ноября 1923 г. в Мюнхене

Маршрут эмиграции, ноябрь 1923-го – март 1925 г.

Берлин Германа Геринга

Вторжение в Польшу, сентябрь 1939 г.

Оккупация Норвегии, апрель 1940 г.

Французская кампания, май 1940 г.

Каринхалл: этапы развития мании величия

«Битва за Англию», лето 1940 г.

Действия люфтваффе в Средиземноморье, весна 1941 г.

Операция «Барбаросса», июнь – ноябрь 1941 г.

Наступательные действия вермахта, лето 1942 г.

Сталинград и Юго-Восточный фронт, ноябрь 1942-го – январь 1943 г.

Стратегические бомбардировки Германии

Боевые действия Германии на 20 апреля 1945 г.

Дороги плена, 23 апреля – 12 августа 1945 г.

План зала заседаний Международного военного трибунала

Введение

Складывается впечатление, что во Франции интерес к национал-социалистской Германии ограничивается личностью Адольфа Гитлера, структурой и ролью СС и зверствами нацистов. Зачем же в таком случае нужна биография Германа Геринга? Для этого есть по меньшей мере четыре причины. Во-первых, этот человек был вторым лицом Третьего рейха. Во-вторых, в свое время Геринг оказался наиболее популярной и наименее мрачной фигурой из окружения Гитлера. В-третьих, он сыграл решающую роль как в становлении, так и в спуске в пропасть нацистской Германии. И, в-четвертых, несмотря на все перечисленное, не существует ни одной франкоязычной биографии этого не знавшего ни в чем меры человека.

Предназначения не существует, но нет сомнения в том, что судьба экзаменует каждого человека. В начале 1920-х годов капитан Геринг был настоящим героем войны, удостоившимся множества наград. Это был патриот, романтик, имевший рыцарские и предпринимательские наклонности. Умный человек, он обладал также неоспоримой харизмой. Решив попытаться счастья, он отправился в Швецию, где устроился работать пилотом и встретил любовь всей своей жизни. Это напоминает начало сказки? Возможно, однако на самом деле является началом длительного кошмара, поскольку Герман Геринг, прославленный ветеран, высокомерный, честолюбивый, поддающийся чужому влиянию и страдавший маниакально-депрессивным синдромом человек, увлекся политикой и после этого жаждал играть в ней особую роль. И вот осенью 1922 года он повстречался в Мюнхене с Адольфом Гитлером, который стал объектом его восхищения на всю оставшуюся жизнь. Находясь в тени фюрера, Герман Геринг в дальнейшем выступал в самых разных ролях: руководитель штурмовых отрядов, неумелый путчист, странствующий активист нацистской партии, пристрастившийся к употреблению морфия безработный, предприимчивый делец, пышнотелый денди, громогласный оратор, продажный депутат, завоеватель поста президента рейхстага, бесчестный министр внутренних дел, законченный махинатор, блестящий министр авиации, разбогатевший парвеню, ловкий дипломат, прекрасный охотник, салонный стратег, экономист-любитель, опередивший свое время эколог, страстный коллекционер произведений искусства, официальный преемник Гитлера и сообщник во всех его преступлениях. Но именно в качестве главнокомандующего немецкими военно-воздушными силами маршалу Герингу суждено было пройти великие испытания Второй мировой войны, многое изменившей в его жизни...

Очень сентиментальный человек, без колебаний убиравший всех, кто становился на его пути; антисемит на словах, руководивший имперским управлением по вопросам еврейской эмиграции; вояка-фанфарон, предпринимавший миротворческие усилия; гиперактивный человек, всюду сующий свой нос и при всем этом совершенно безвольный... Натура Геринга состояла из множества противоречивых качеств! В связи с этим следует признать, что этот ловкий актер, выступавший в бесчисленных ролях, во многом остается загадкой для историков. Биографу также следует помнить о неспособности Геринга к сопереживанию, пусть даже этот человек далек от таких монстров, какими были Гитлер, Гиммлер, Гейдрих, Сталин, Пол Пот или Мао Цзэдун.

Но трудность задачи лишь убеждает меня в том, что ее необходимо выполнить. Поэтому читателю представляется созданный с использованием многочисленных источников, как германских, так и английских, американских, шведских, канадских, французских и итальянских, персонаж, напоминающий одновременно Фальстафа и Макбета. Хотя конец пьесы весьма печален, ее сюжетные перипетии необычайно интересны. Поскольку, прослеживая каждый шаг этого опасного комедианта, читатель получает возможность увидеть жизнь Третьего рейха под совершенно неожиданным ракурсом и проследить неизбежное переплетение нитей, образующих ткань судьбы.

Ф. К.

I

Барская жизнь

Двенадцатого января 1893 года в санатории «Мариенбад», располагавшемся неподалеку от баварского городка Розенхайм, Франциска Геринг произвела на свет крепкого младенца с голубыми глазами и нарекла его Германом в честь его крестного и Вильгельмом в честь императора Вильгельма II. На первый взгляд это событие могло бы показаться ничем не примечательным эпизодом, если бы не отсутствие отца ребенка рядом со счастливой роженицей... Для того чтобы объяснить этот факт, придется сделать относительно большое отступление в пространстве и времени.

Отец Германа, Генрих Эрнст Геринг, окончил в молодости университет и принял участие в войне с Австрией в 1866 году и в войне против Франции в 1870–1871 годах в качестве кавалерийского офицера. После войны он служил судьей в разных провинциальных городках, а затем был замечен канцлером Бисмарком, который назначил его на пост генерал-губернатора Германской юго-западной Африки с проживанием в этой немецкой колонии. Это только внешне выглядело повышением: Бисмарка очень мало волновали колонии, а расселение немцев в Африке было делом весьма деликатным. Но задачей Генриха Геринга как раз и оказалось расширение колонии и укрепление немецких позиций. Сорокасемилетний министр-резидент совершенно не имел дипломатического опыта и впервые оказался на африканском континенте... И тем не менее Генрих Геринг добился на новом поприще значительных успехов: менее чем за пять лет он сумел умиротворить местные племена и значительно расширить немецкое влияние в регионе, подружившись с Сесилом Родсом, великим британским колонизатором Южной Африки.

Когда получил назначение в Африку, Генрих Геринг был уже вдов и имел пятерых детей. Однако в Лондоне, куда он сначала отправился по поручению канцлера перенимать у англичан опыт управления колониями, отец Геринга женился во второй раз на служащей гостинице, девице Франциске Тифенбруннер, с которой он познакомился в том же 1884 году, отдыхая на юге Германии, и которую взял с собой в столицу Великобритании. Франциска была на двадцать шесть лет моложе своего супруга. Родив в Лондоне сына Карла, она поехала вместе с ним к мужу в Виндхук, главный город немецкой колонии, куда Генрих Геринг прибыл еще раньше. В течение четырех последовавших лет у этой пары в Африке родились еще один сын и две дочери. Полное отсутствие гигиены в тех краях, несомненно, привело бы к смерти молодой матери уже при вторых ее родах, если бы в Виндхуке не оказался имевший профессию врача человек. Звали его Герман Эпенштейн, и он был одновременно искателем приключений, рантье, холостяком и соблазнителем. Эпенштейн принял у Франциски роды (в тот раз она родила дочь, Ольгу) и надолго стал другом семьи Герингов, и когда в 1882 году Генрих Геринг получил назначение на пост генерального консула Гаити, жена его, будучи опять беременной, по совету милого доктора вернулась в Германию, чтобы там родить четвертого ребенка. Поэтому Генрих Эрнст Геринг не присутствовал в баварском санатории «Мариенбад» 12 января 1893 года во время рождения сына Германа Вильгельма, чьим крестным отцом стал не кто иной, как Герман Эпенштейн. Непонятно другое: почему мать новорожденного уехала на Гаити спустя всего лишь шесть недель после родов, оставив на целых три года маленького Германа Геринга на попечении фрау Граф, близкой подруги своей матери? Доктору Фрейду, который в тот самый год начал практиковать в Вене, это не понравилось бы наверняка. И действительно, когда в 1896 году Франциска Геринг вернулась на родину и взяла сынишку Германа на руки, тот залепил ей пару звонких пощечин...

«Это был красивый мальчуган, к тому же очень упрямый», – вспоминали дочери фрау Граф, очевидицы первых подвигов Германа. Позже их слова никто не опроверг, поскольку в берлинском буржуазном районе Фриденау, где семейство Герингов поселилось по возвращении в Германию, Герман проявил себя капризным маленьким тираном, который, очень рано вознамерившись стать героем, оказывал определенное воздействие на брата и обеих сестер. Их отец, ставший служащим Министерства иностранных дел, весьма снисходительно относился к любимому сыну. Подарив ему на пятилетие гусарский мундир, он каждое воскресенье брал с собой Германа на парад Потсдамского гарнизона. Это произвело сильное воздействие на мальчика. «Я ни секунды не сомневался, – скажет позже Герман Геринг, – что стану офицером кайзеровской армии».

В 1898 году в судьбе семейства Герингов произошел крутой поворот. Доктор Эпенштейн, обладавший предпринимательской жилкой и располагавший значительными средствами, купил замок Маутерндорф, неподалеку от Зальцбурга, и еще один, Фельденштейн, в 30 километрах от Нюрнберга¹.

Оба замка находились в очень запущенном состоянии, но Эпенштейн решил во что бы то ни стало вернуть им первозданное величие. А затем он пригласил семейство Герингов поселиться в качестве гостей в замке Фельденштейн. Генрих Геринг, который вышел в отставку, удостоившись лишь формальной официальной признательности, и явно начал опускаться², не смог отказаться от подобного предложения. Так начиная с шестилетнего возраста юный Герман оказался в окружении величественной средневековой обстановки, полностью соответствовавшей его мечтам о власти и славе...

Действительно, крайне трудно было не поддаться влиянию наполненных историями и легендами старинных казематов замка, расположившегося посреди дикой красоты баварских гор. Герман привлекал брата, сестер и всех детишек деревни к участию в военных играх, целью которых было защитить или взять штурмом античные укрепления на скале, господствовавшей над рекой Пегниц. По-прежнему увлекаясь оружием и униформой, он наряжался рыцарем, Робинотом Гудом... или бургским офицером: в то время на юге Африки полыхала война, а большинство немцев симпатизировали африканерам, воевавшим против англичан. Мальчик с замиранием сердца слушал рассказы друзей своего отца, которые с ностальгией вспоминали о великих кампаниях 1866 и 1870 годов. Само собой разумеется, у Германа была большая коллекция оловянных солдатиков, а позже он признался, что имел обыкновение обставлять их со всех сторон зеркалами, чтобы визуально увеличить численность своего войска. Эта привычка, претерпев некоторые изменения, сохранилась у него и в зрелом возрасте...

Не совсем удобно присоединяться к бахвальству своего персонажа и к елейным похвалам его первых биографов, но кое-что сегодня представляется очевидным: Герман Геринг очень быстро стал виртуозом скалолазания. Презирая головокружение и страх, он штурмовал скалы с таким воодушевлением, что это заставило бы побледнеть многих опытных горных стрелков. Кроме того, его гордыня и его чувство чести почти не позволяли ему вести себя почтительно, когда он чувствовал себя жертвой несправедливости, и поэтому одна из его сестер назвала его маньяком справедливости.

Проблема, очевидно, заключалась в том, что он был склонен видеть несправедливость во всем... И наконец, поборники исторической предопределенности могут очень сильно разочароваться: молодой Герман, несомненно, обладал задиристым нравом и отличался неисправимым фанфаронством, но это не лишало его великодушия, не мешало ему быть идеалистом, с

¹ См. карту 1

² В свои пятьдесят шесть лет он, будучи диабетиком, упрямо отказывался соблюдать какую бы то ни было диету, к тому же начал злоупотреблять спиртным.

нежностью и бесконечной лаской относиться к родным людям и всем домашним животным, которых он встречал.

Из всех взрослых, которые его окружали, самое большое влияние, безусловно, оказывал на Германа его крестный отец. Несмотря на невысокий рост, лишний вес и небольшую лысину, доктор Эпенштейн очаровывал всех своим шармом, природной властностью, знанием мира и княжеским образом жизни. В замке Маутерндорф, где Геринги часто гостили, огромные залы украшали доспехи, штандарты, картины старых мастеров, ковры и гобелены, а также дорогая мебель. Хозяин замка, который получил от кайзера дворянский титул и стал именоваться «господин барон фон Эпенштейн», управлял своими землями и своими людьми как настоящий феодал: он устраивал шикарные праздники, делал щедрые пожертвования, становился крестным отцом детей всех своих друзей. Он организовывал охоту на ланей в горах для молодых людей и ревностно наблюдал за их воспитанием. Все это не могло не нравиться юношам, которые устаивались его внимания. «Мы все им восхищались, – позже признался другой его крестник, профессор Тирринг. – Он был так элегантен... Мы сразу же начинали ненавидеть любого, кто позволял себе оказывать ему неуважение, но именно Герман сильно повредил лицо одному деревенскому парню, который сказал, что Эпенштейн получил свой титул за деньги, а не благодаря заслугам».

И все-таки эти почти семейные отношения омрачали две проблемы: во-первых, барон фон Эпенштейн исповедовал католичество и упорно демонстрировал это каждое воскресенье в церкви, хотя отец его был настоящим евреем и даже принадлежал к своеобразному кругу, который можно назвать еврейской аристократией той поры. Конечно, в начале XX века принадлежность к еврейской расе не имела того значения, какое приобрела спустя два десятка лет. Но нацистским биографам будущего рейхсмаршала этот факт все-таки создал большие затруднения, и они предпочитали обходить его молчанием. Больше того, Эрих Гритцбах, услужливый помощник Германа Геринга, в 1938 году написал, что тот еще в восемь лет заставлял своего пса лаять на деревенских евреях. Это Гритцбах назвал проявлением расового самосознания, не характерным для столь юного возраста. Действительно, нечто подобное встречается весьма редко, поскольку является чистой выдумкой: в восьмилетнем возрасте Герман и знать не знал, кто такие евреи, а когда позднее узнал, что в жилах его героя, фон Эпенштейна, течет еврейская кровь, это никак не сказалось на их отношениях.

Вторая проблема заключалась в том, что барон фон Эпенштейн, великодушно предоставив свой замок Фельденштейн в распоряжение семейства Герингов, оставил за собой главную спальню, которая соседствовала со спальней комнаты госпожи Геринг. А супруг последней во время визитов хозяина замка уходил ночевать на первый этаж... Когда же семейство приезжало в замок Маутерндорф на многочисленные праздники, которые так любил устраивать барон, господин Геринг и дети располагались в пристройках, а Франциска, принимавшая на себя обязанности хозяйки дома, присоединялась к семье только во время завтраков. Посему совершенно излишне говорить о том, что ни для кого не составляло тайну: Герман фон Эпенштейн и Франциска Геринг были любовниками, и довольно продолжительное время. «Мы в этом ничуть не сомневались, – вспоминал профессор Ганс Тирринг. – Все, кто находился в Маутерндорфе, воспринимали это как данность, и это явно не беспокоило Германа и других детей Герингов». Это, кажется, не угнетало и их отца, который, приспособившись к такому положению, медленно спивался. Кроме того, он был в курсе того, что все вокруг давно заметили: в 1895 году его жена родила третьего сына, Альберта, необычайно походившего на Эпенштейна. И этот факт нацистские биографы предпочли обойти молчанием, хотя это абсолютно не повлияло на отношение Германа к младшему брату, которого он искренне любил...

Пребывание юного Германа в начальной школе оказалось по меньшей мере бурным. В 1900 году его отправили в фольксшULE, «народную школу», баварского города Фюрт, непода-

леку от Нюрнберга, и там он повел себя агрессивно, стал активно противиться обучению и дисциплине.

Карта 1

Из замка в замок: мир Германа Геринга, 1893–1914 гг.

Вообразая себя владельцем замка и копируя отличающиеся высокомерием манеры крестного отца, он за короткое время настроил против себя учителей и одноклассников, которые вскоре почувствовали к нему антипатию. И решил справиться с этими проблемами по-своему: улегшись в кровать, он отказывался вставать с нее в течение нескольких недель, добившись того, что пришедшее в отчаяние руководство школы отправило его домой... Это была первая победа упрямства, не получившая, правда, продолжения, поскольку в 1905 году родители определили Германа в интернат города Ансбах. Там двенадцатилетний мальчик оказался среди учеников, которые были старше, сильнее и задиристее него; дисциплина в интернате отличалась особой строгостью, учеба была изнуряющей, а питание вызывало отвращение. По истечении трех лет, отмеченных многочисленными побегами и даже забастовкой, господину и госпоже Геринг пришлось снова забрать сына домой...

В конце концов семейству Герингов в этом затруднении помог крестный Германа, барон фон Эпенштейн: благодаря своим связям, он добился приема упряма в кадетское училище в Карлсруэ. Это учебное заведение находилось еще дальше от Фельденштейна, чем интернат в Ансбахе, дисциплина там была намного жестче, но Герман оказался среди военных, форма шла ему, а об уроках верховой езды, фехтовании и стрельбе из винтовки он мог лишь мечтать во время своих детских игр. И кадет Геринг стал прилежно учиться, а в шестнадцать лет окончил училище, получив оценку «отлично» по выездке, истории, английскому, французскому, музыке и даже... по поведению. А главное, в его деле оказалась такая запись: «Этот примерный кадет достиг уровня, который поможет ему далеко пойти: он не боится рисковать».

С такой рекомендацией Герману не составило труда поступить в 1910 году в главную военную школу в Лихтерфельде, близ Берлина, где готовили будущих офицеров немецкой армии. И там он обрел свое счастье: воинские упражнения его необычайно увлекали, выходной мундир с галунами неотразимо действовал на берлинских девиц, а кодекс чести кадетов, напоминавший рыцарский обет времен Средневековья, его просто очаровал. «Я чувствую себя наследником немецкого рыцарства», – написал семье этот неисправимый романтик... И в марте 1911 года, в возрасте восемнадцати лет, он с отличием окончил Берлинскую военную школу, удостоился поздравления самого кайзера и получил звание младшего лейтенанта³.

Перед тем как получить назначение, молодой офицер попросил отпуск для поездки в Фельденштейн. Родные встретили его как героя, а крестный отец прислал поздравительное письмо и кошелек с 2000 золотых марок. Но Герман заметил, что обстановка в семье после его отъезда сильно изменилась. Франциска Геринг выглядела сильно постаревшей, а ее муж, то ли в приступе запоздалой ревности, то ли под действием спиртного, к которому давно пристрастился, начал кричать, что фон Эпенштейн подло его предал. И поскольку честь не позволяла ему и далее пользоваться гостеприимством человека, который его обесчестил, Генрих Герман заявил, что уедет из Фельденштейна вместе с семьей. Неизвестно, выполнил бы он свое намерение или нет, потому что богатый аристократ фон Эпенштейн, забыв о том, что ему уже исполнилось шестьдесят два года, влюбился в Лили фон Шандрович, молодую двадцатилетнюю красотку, и вознамерился взять ее в жены. А сорокашестилетняя любовница, да еще со злым мужем в придачу, которая жила бесплатно в одном из его поместий, естественно, серьезно мешала матримониальным планам барона. Так что семейство Герингов получило от него в начале 1913 года вежливое письмо, в котором им предлагалось в кратчайшие сроки подыскать себе новое жилище. Для Франчески и Генриха Герингов, целых пятнадцать лет беззаботно проживших в замке Фельденштейн, это стало настоящим потрясением. Как и для их сына Германа, который рассказал товарищам по военной школе, что он владелец замка. Но делать было нечего, и весной 1913 года семейство Герингов переехало в скромный домик, который они сняли в пригороде Мюнхена. Генрих, не перенеся этого удара, умер в начале декабря, спустя всего несколько месяцев после переезда.

Накануне похорон Герман помог матери разобрать бумаги покойного отца... И пожелтевшие фотографии, письма, доклады, аттестации и воспоминания матери открыли ему, с каким достоинством и героизмом воевал в Европе и служил в Африке Генрих Эрнст Геринг, до того как превратился в старого озлобленного алкоголика, бродившего как призрак по коридорам Фельденштейна. По его собственному признанию, Герман Геринг в тот момент остро почувствовал вину из-за того, что не смог установить добрые отношения с презируемым им отцом. А на следующий день, во время похорон на мюнхенском кладбище Вальдфридхоф, молодой младший лейтенант даже разрыдался. Реакция, конечно, не очень мужская, явно недостойная прусского офицера, но весьма человеческая...

Спустя несколько недель Герман Геринг получил назначение в 112-й пехотный полк 6-й армии. В часть он должен был прибыть в начале января 1914 года. «Если суждено начаться войне, – сказал он перед отъездом зачарованным сестрам, – вы можете быть уверены в том, что я отличусь в боях и добуду славу семейству Герингов».

³ В апреле, желая отметить выпуск, Геринг поехал с товарищами в Италию, где его впервые очаровали полотна Рубенса, Леонардо да Винчи, Рафаэля и Беллини. И там же он совершил одну из своих дерзких выходов – взобрался на Доломитовые Альпы.

II Небесные рыцари

Сто двенадцатый пехотный полк принца Вильгельма квартировал в департаменте Верхний Рейн, в небольшом городке Мюлхаузен, который угрюмые жители оккупированного Германией Эльзаса упрямо продолжали называть Мюлузом. Гарнизонная жизнь оказалась не лишена определенных прелестей: совершенно не зная суровых традиций полка, младший лейтенант Геринг сразу же позволил себе некоторые вольности в отношении соблюдения дисциплины, подружился с весельчаком-сослуживцем по имени Бруно Лёрцер и принялся с энтузиазмом участвовать в традиционных офицерских попойках; он также пользовался малейшей возможностью, чтобы получить увольнительную. К этому надо добавить, что на обоих берегах Рейна его темно-голубые глаза редко оставляли равнодушными местных девиц... А что ему было еще нужно? Следует, правда, отметить, что в высших эшелонах власти западных стран начали ходить тревожные слухи, с Балкан стал доноситься все более громкий топот солдатских сапог, но тем летом 1914 года двадцатидвухлетний красавец Герман Геринг, постоянно живший в военной обстановке, без опасения рассматривал перспективу близкой войны, ведь она позволила бы ему по-настоящему сражаться «во славу Бога, Кайзера и Родины» и стать известным...

Август 1914 года: начало великого противостояния. Но как всегда случается на войне, самое непредвиденное событие всегда становится реальностью... Для 112-го пехотного полка первый звук трубы оказался сигналом к отходу: начальник полевого Генерального штаба Людвиг фон Мольтке, имея намерение начать наступление на северо-западе, предположил, что французы атакуют немецкие войска в Эльзасе, и посему решил перевести части 6-й немецкой армии на восточный берег Рейна. Но младший лейтенант Геринг все же несколько раз по приказу командования перебирался со своим взводом на другой берег реки, чтобы разведать расположение французских войск. Немного нарушив полученные приказы, он в ходе первой же своей вылазки в занятый французами Мюлуз завязал перестрелку с французским авангардом, перед тем как переправиться через Рейн назад. Да еще прихватил с собой четырех лошадей. На другой день, 10 августа, он тайно вернулся в город со взводом на велосипедах, планируя всего-то похитить генерала По, командующего расположенными в Мюлузе французскими войсками! Это опять было отступлением от приказа, план Геринга полностью провалился, и ему пришлось бежать со своими людьми под усиленным огнем противника. Эта неудача несколько его не обескуражила, на другой день он снова пошел в бой, и неподалеку от Ильцаха его взвод захватил в плен нескольких французских солдат. Естественно, командование полка не стало наказывать его за нарушения приказов, наоборот, оно по достоинству оценило его отвагу: через некоторое время после взятия Мюлуза младший лейтенант Геринг был награжден Железным крестом 2-го класса. Затем его отправили в разведку на французский берег для корректировки огня артиллерии, и это занятие вскоре стало его специализацией. Работа эта была крайне рискованной, потому что его могли захватить в плен или обстрелять французы, он также мог попасть под огонь своей же артиллерии. Однако удача явно улыбалась Герингу: он продолжал оставаться невредимым, хотя зона боевых действий постепенно переместилась к Мольсхайму и Саарбургу.

В начале сентября 1914 года, когда основным удар 1-й и 2-й немецких армий начал ослабевать на рубеже реки Марны, 112-й пехотный полк преодолел горный массив Вогезы совместно с 6-й армией принца Рупрехта Баварского, и фронт установился под городом Баккара, расположенным юго-восточнее Нанси. Воюющие стороны перешли к позиционной войне, стали рыть окопы, а спустя некоторое время пришли осенние холода и слякоть. Младший лей-

тенант Геринг очень скоро стал одной из жертв окопной войны: всего за три недели у него появился ревматизм суставов, колени распухли, и он был эвакуирован в госпиталь города Мец. Для молодого младшего лейтенанта, мечтавшего о славе и наградах, это вынужденное бездействие стало настоящей пыткой. Перспектива совершения подвигов скрылась за горизонтом, Геринг был морально подавлен...

В госпитале Германа навестил его приятель Бруно Лёрцер, который незадолго до начала войны покинул 112-й пехотный полк и начал осваивать летное дело в авиационном училище «Авиатик», неподалеку от Фрейбурга. Оставаясь фанфароном, Герман сказал приятелю, что проблемы с ногами у него временные, что не пройдет и двух недель, как он вернется в свою часть. Лёрцер возразил, сказав, что Герман, вновь очутившись в окопах, рискует снова заболеть и в конце концов быть уволенным из армии по состоянию здоровья. Зато в авиации, новом, престижном роде войск, ему не потребуется следить за ногами, каждый вечер он будет спать в сухом помещении, а главное, у него появится намного больше шансов покрыть себя славой! Последний довод оказался решающим: стоило другу удалиться, как Герман отправил в штаб полка телеграмму с просьбой одобрить его перевод в авиационное училище во Фрейбурге для освоения навыков наблюдателя...

Не дождавшись ответа из штаба полка в течение двух недель, выздоравливающий Геринг самовольно покинул госпиталь и добрался до авиационной базы в Дармштадте, где лейтенант Лёрцер только что получил удостоверение летчика. Существует несколько вариантов дальнейшего развития событий: если верить его первым биографам, Геринг, наплевав на три недели ареста, который был наложен на него за отказ явиться в резервный пехотный батальон, квартировавший в Донауэшингене, сам обучился технике наблюдения, летая вместе со своим другом Лёрцером. Но в его личном деле офицера содержится весьма банальная информация: 14 октября младший лейтенант Геринг был переведен в 3-й авиационный резервный отряд в Дармштадте для обучения в качестве воздушного наблюдателя. Дальнейший ход событий также противоречив: по словам Геринга, они с Лёрцером «угнали» самолет и, пролетев над Шварцвальдом и Люксембургом, приземлились в Стене, где базировался 25-й полевой авиационный отряд 5-й армии. Но личное дело младшего лейтенанта Геринга полностью исключает подобное приключение: там просто сказано, что 28 октября 1914 года он был направлен на авиабазу в Стене для прохождения службы в качестве воздушного наблюдателя⁴. Продолжило ли командование 112-го пехотного полка требовать немедленного возвращения в часть Германа Геринга, которому грозил строгий арест и даже трибунал? Возможно, но в любом случае нашего героя очень скоро оставили в покое⁵, потому что из первых же совместных полетов экипаж Лёрцер – Геринг начал возвращаться с очень ценными снимками расположения войск Антанты в районе Аргонского леса...

Стене находился всего в сорока километрах к северо-западу от Вердена, а 5-й армией командовал сам кронпринц Фридрих Вильгельм... Осенью 1914 года, после провала главного наступления к Марне, новый начальник Генерального штаба Эрих фон Фалькенхайн назвал Верден засовом, который препятствовал продвижению 4-й и 5-й армий на равнины Шампани. Французы в этом секторе сильно укрепили свои позиции, и тяжелой артиллерии никак не удавалось их разрушить по причине отсутствия достаточно точных сведений об их расположении: аэрофотоснимки делались с довольно большой высоты, так как самолеты воздушной разведки старались не попадать под адский огонь французских пулеметов, либо снимки оказывались смазанными из-за того, что пилоты по той же самой причине пролетали над французскими укреплениями очень низко и слишком быстро.

⁴ Тут, возможно, имело место назначение задним числом, что широко практиковалось в кайзеровской армии.

⁵ По мнению английского биографа Леонарда Мосли, длительное время поддерживавшего отношения с семейством Герингов после 1945 года, барон фон Эпенштейн якобы вступился перед военными властями за своего любимого крестника.

Именно в это время новички оказали германскому командованию неоценимую помощь: конечно, их биплан «Альбатрос» был самолетом крайне примитивным, его нижнее крыло делало минимальным сектор обзора наблюдателя, а бортовой фотоаппарат представлял собой громоздкий и неудобный агрегат. Однако друзья применили тактику, которая больше напоминала вольтижировку, нежели военное искусство: подлетев к цели, Лёрцер закладывал длинный вираж на низкой высоте, а Геринг почти полностью высовывался из кабины, цепляясь за кресло лишь пальцами ног, и направлял на объект съемки свой пятнадцатикилограммовый аппарат, меняя стеклянные пластины после каждого отснятого кадра... Вся операция продолжалась несколько минут под плотным огнем противника и повторялась столько раз, сколько требовалось! Естественно, навыки скалолазания, приобретенные в детстве, помогали Герингу, но мало нашлось бы альпинистов, которые решились бы исполнить подобный трюк на летающей трапедии в столь опасных для жизни условиях...

Как бы там ни было, результаты говорят сами за себя: высшее немецкое командование наконец-то получило точные схемы оборонительных позиций французов под Верденом и теперь могло корректировать огонь своей артиллерии. Лёрцера и Геринга часто вызывали в штаб, просили помочь расшифровать сделанные ими снимки, и там к ним вскоре стали относиться как к героям. Двадцать пятого марта 1915 года после успешного выполнения сложного задания, в ходе которого они зафиксировали точное положение батареи тяжелых орудий французов на высоте Талон, обоих приятелей вызвали в штаб, где кронпринц лично вручил каждому Железный крест 1-го класса. Через неделю они вновь отличились – в ходе налета французской авиации на Стене на своем лишенном вооружения «Альбатросе» вынудили вражеский бомбардировщик приземлиться на занятой немцами территории⁶.

Герман Геринг был сторонником нововведений: для того чтобы внести смятение в ряды противника на земле в ходе аэрофотосъемок, он стал брать с собой в полет и использовать винтовку фирмы «Маузер» и маленькие бомбы серого цвета, которые назывались «воздушные мышата». Затем он установил перед своей кабиной пулемет. Конструкция получилась ненадежная и малоэффективная, но это было первым опытом подобного рода. Геринг также выучил азбуку Морзе, чтобы иметь возможность незамедлительно передавать разведанные по радиации немецким артиллерийским частям. В этом он также был первым. Но артиллеристы недостаточно оперативно использовали его сведения, и младший лейтенант Геринг, не отличавшийся терпением, высказывал им открытым текстом все, что думал об их некомпетентности. Это проявление недовольства перед лицом противника снова едва не подвело его под трибунал... Он опять едва избежал наказания, но эта история дала ему понять, что ему надоели прелести воздушного наблюдения. В конечном счете героями тогда считались Иммельман, Бёльке, Гесс, получавшие звания и награды авиаторы. И Герман Геринг решил стать летчиком-истребителем. Тридцатого июня 1915 года он добился зачисления его в летную школу во Фрейбурге, которую за девять месяцев до этого закончил его друг Лёрцер...

Младший лейтенант Геринг оказался талантливым курсантом: менее чем за четыре месяца он прошел летную подготовку с поразительной легкостью. Инструкторы с открытым ртом наблюдали, как он исполняет фигуры высшего пилотажа. В октябре 1915 года Геринг был зачислен в 5-ю истребительную эскадрилью, имевшую в своем составе современные двухмоторные самолеты, вооружение которых сильно изменилось за последнее время: теперь истребители были вооружены мощными спаренными пулеметами «Шпандау», которые стреляли через диск винта. Размещаясь на базе в Стене, живя в комфортабельных условиях, летая вместе со своим другом Лёрцером, Геринг чувствовал себя очень счастливым человеком... В это время элитное содружество летчиков, которые день за днем поднимались в небо над землей, где сотни

⁶ В журнале боевых действий 25-го полевого авиаотряда было записано, что «оба офицера за это удостоились чести быть представленными Его Императорскому Высочеству кронпринцу».

тысяч мужчин в липкой окопной грязи дрожали от стужи в ожидании очередного смертоносного залпа артиллерийских орудий, стало практиковать героические традиции средневекового рыцарства: в небе над Шампанью стали проходить воздушные одиночные бои, на бортах самолетов появились изображения щитов и гербов, как на накидках рыцарских коней, экипированных для турнирных схваток. Механики и адъютанты заменили древних слуг и конюхов, вечеринки, устраиваемые после боевых вылетов, не уступали размахом феодальным пирам, размещаться летчики стали все чаще в замках, а все немцы славили пилотов, как древних германских героев...

Как мог Геринг не чувствовать себя среди своих в авиации? Отважный летчик, он совершал безумно рискованные поступки, летал на разведку до Эперне, Шалона и Сент-Менеу, атаковал английские самолеты, мерился силами с французскими истребителями и, наконец, одержал свою первую официально подтвержденную победу: 16 ноября 1915 года в небе над Таюром он сбил «Фарман»... Через четыре месяца, когда началась великая битва под Верденом, Геринг, оказывая авиационную поддержку 5-й армии на мощном, хорошо вооруженном самолете АЕГ, вынудил французский бомбардировщик сесть на немецкой территории. Тридцатого июля 1916 года его перевели в 203-й полевой авиаотряд под Мец, и он подбил двухмоторный «Кодрон» над Мамегом. В октябре, в начале битвы на Сомме, он вновь был переведен в 5-ю истребительную эскадрилью⁷, где с радостью снова встретился со своим приятелем Бруно Лёрцером и где познал, как опасно недооценивать противника. Второго ноября 1916 года он заметил «Хэндли-Пейдж», тяжелый бомбардировщик, летавший на малых скоростях и довольно неуклюжий: такие самолеты англичане совсем недавно направили на франко-германский фронт. Охваченный любопытством и желанием одержать легкую победу, Геринг приблизился к британскому самолету, из пулемета убил стрелка в задней кабине, а второй очередью поджег один из двигателей бомбардировщика. Но, в отличие от своих товарищей, Геринг не знал, что самолеты «Хэндли-Пейдж» всегда летали в сопровождении истребителей... Через мгновение по нему открыли огонь шесть истребителей «Сопвич F1 Кэмел». Пули попали в двигатель и в бак, пробивли шестьдесят отверстий в фюзеляже. Сам Геринг был ранен в бедро. В работе мотора его самолета появились перебои, бензин из бака стал заливать фонарь, самолет начал входить в штопор, а истекавший кровью Геринг почувствовал, что теряет сознание. Но когда он на высокой скорости приближался к земле, грохот зенитных пулеметов противника привел его в чувство. Геринг с трудом выровнял самолет, дотянул на бреющем полете до позиций немецких войск и совершил аварийную посадку на каком-то кладбище. Счастье и на этот раз оказалось на его стороне: рядом с кладбищем находилась церковь, превращенная в полевой госпиталь. Санитары вытащили раненого младшего лейтенанта из его сильно поврежденного самолета и сразу же положили на операционный стол...

Операция оказалась крайне сложной из-за тяжести ранений, к тому же Геринг, находившийся в состоянии шока, потерял много крови. Если бы не мастерство хирурга и не крепкое здоровье младшего лейтенанта Геринга, его славные боевые похождения, несомненно, закончились бы в небольшом помещении церкви, превращенной в операционный зал. Тем не менее еще целых четыре месяца он провел в госпиталях в Валансьене, Бохуме и Мюнхене, прежде чем поправился и получил разрешение провести два месяца до полного выздоровления в кругу семьи...

Семьей же Геринг считал мать, сестер и братьев, которые остались в Мюнхене, а также, что немаловажно, барона фон Эпенштейна и его юную жену Лили, которые встретили его с распростертыми объятиями в замке Маутерндорф. Прославленный летчик в великолепном мундире, с боевыми наградами на груди, Геринг каждый раз оказывался в центре внимания во

⁷ По его личной просьбе и не без поддержки самого кронпринца. Очевидно, что Геринг просил о переводе всякий раз, когда в секторе, где он совершал полеты, интенсивность воздушных боев шла на убыль...

время всех приемов, что устраивались в замке, – и в течение всех пяти недель, что пробыл там, он заставил учащенно биться множество женских сердец. Кстати, именно в это время у него зародилась первая «официальная» любовь к некоей Марианне Маузер, дочке зажиточного фермера, проживавшего по соседству с замком, которая ответила взаимностью. Но работающие на земле люди – трезвые реалисты: надежда на то, что боевой летчик в ходе текущей войны уцелеет, была очень мала, так что и речи быть не могло ни о какой женитьбе... Поэтому влюбленным пришлось ограничиться обменом клятвами верности. К тому же осенью 1916 года Герман отправился к новому месту службы – в резервный авиационный полк, базировавшийся в Бёблингене, неподалеку от Штутгарта. Это практически гарантировало вынужденный отпуск до самого окончания войны, но Геринг имел на этот счет другие планы. Желая как можно скорее вновь принять участие в боевых действиях, он послал в Главный штаб немецких военно-воздушных сил телеграмму, в которой сообщал, что, поскольку не смог найти Бёблинген ни на карте, ни в железнодорожном справочнике, принял решение кратчайшим путем вернуться на фронт...

Карта 2

Места расположения воинских частей, в которых служил лейтенант Геринг, в которых он участвовал, 1915–1918 гг.

Это было неслыханной дерзостью, и на сей раз такая выходка могла повлечь немедленный арест. Но, казалось, действие немецких военных уставов не распространялось на протеже фон Эпенштейна и кронпринца, и 3 ноября 1916 года Геринг без затруднений добрался до

своего бывшего места службы – авиабазы в Мюлузе, где лейтенант Лёрцер стал к тому времени командиром 26-й истребительной эскадрильи. В тот период в этом секторе у германских летчиков-истребителей было много работы, поскольку осенью 1916 года авиация Антанты особенно активизировалась. Поэтому Лёрцер, несмотря на предосудительное поведение приятеля, не смог отказаться от усиления своего подразделения в лице такого пилота, как Герман Геринг... Тем более что в день его прибытия на авиабазе хоронили лейтенанта Освальда Бёльке, воздушного немецкого аса, который за пять дней до этого погиб неподалеку от Бапома при посадке своего поврежденного «Альбатроса».

В ходе той суровой зимы 1916/17 года, когда от Фландрии до Вогезов огромные, зарывшиеся в землю, армии схлестывались друг с другом ради того, чтобы отвоевать у противника несколько сотен метров земли и снова их потерять, немецкие летчики со своими коллегами-союзниками вступали в схватки, которые становились все более кровопролитными, так как постоянно улучшались летные характеристики самолетов, вооружение и тактика ведения воздушных боев. В Эльзасе Геринг уже сбил восемь вражеских самолетов и был награжден еще тремя медалями. Его друг Лёрцер спас его однажды от неминуемой гибели, когда Герман очутился в прицеле английского самолета, и Геринг вернул ему долг чуть позднее, дав возможность вырваться из клещей трех французских истребителей. Двадцать восьмого апреля Герман Геринг сбил еще одного «сопвича», а 29-го – «Ньюпор»... Для молодого немецкого офицера, любившего славу и презиравшего опасность, это была именно та жизнь, о какой он мечтал. «Я не хочу быть таким, как все, – написал Геринг своей дульсинее Марианне. – Для меня бой был и остается главным смыслом жизни, будь то бой против природы или против людей. Я не хочу быть членом стада, не я должен идти за ними, а они обязаны следовать за мной. Так пожелал Господь».

В начале мая 1917 года эскадрилья лейтенанта Лёрцера была переброшена на фронт во Фландрию, где ожидалось крупное наступление англичан, а младший лейтенант Геринг был назначен командиром 27-й эскадрильи, действовавшей в том же секторе. Базировавшаяся в Изегеме, неподалеку от города Ипр⁸, эта эскадрилья была у командования на плохом счету, и Геринг решил это положение исправить. Хороший организатор, он к тому же внимательно изучал тактику ведения боя противником и понял намного раньше своих товарищей, что воздушные одиночные схватки, какими бы героическими они ни представлялись, перестали оказывать решающее влияние на ход операций. Английские летчики-истребители, в большом количестве появившиеся в небе над Фландрией, старались добиться стратегического результата, прикрывая рейды своих бомбардировщиков в глубину территории противника. Эти действия, казалось, сулили меньше славы, нежели одиночные схватки, но зато оказывались более эффективными с военной точки зрения. И высшее военное командование Германии поняло это и переформировало эскадрильи, объединив их в истребительные эскадры по пятьдесят самолетов в каждой, способные противостоять английским «авиационным крыльям». Первый истребительный полк возглавил Манфред фон Рихтгофен, легендарный Красный Барон, сбивший к тому времени больше вражеских самолетов, чем все остальные воздушные немецкие асы, вместе взятые⁹. Двадцать шестая и 27-я эскадрильи Лёрцера и Геринга были затем сведены в 3-ю истребительную эскадру, которая действовала во Фландрии в течение всей зимы 1917/18 года и боролась за господство в воздухе. Противники уже начали побаиваться их «фоккеров», крылья которых имели «шахматную» черно-белую раскраску.

В отличие от Красного Барона, гордившегося своей репутацией беспощадного убийцы и действовавшего соответственным образом, Герман Геринг, получивший в августе 1917 года

⁸ См. карту 2

⁹ К 1 ноября 1917 года он сбил шестьдесят один вражеский самолет, а на счету Геринга и Лёрцера было по пятнадцать воздушных побед.

звание обер-лейтенанта, старался всячески поддерживать рыцарский дух в ходе воздушных сражений. Подбив и заставив приземлиться противника, Геринг не расстреливал его самолет на земле: пролетев над поверженным врагом, он приветствовал его выразительным жестом и вновь набирал высоту. Однажды, когда одному весьма отчаянному английскому летчику пришлось посадить свой самолет на занятой немцами территории, обер-лейтенант Геринг приземлился рядом, желая поздравить противника... Один датский летчик, воевавший на стороне французов, оказался в беспомощном положении, когда его пулемет заклинило: он отчаянно колотил по затвору и магазину, а заметив противника, решил, что настал его последний час, – но вдруг датчанин с удивлением увидел, что немецкий самолет начал удаляться, а пилот дружески помахал ему рукой. Этот скандинав даже представить себе не мог, что средневековый кодекс чести не позволял Герману Герингу добивать противника, сломавшего копье в ходе турнира¹⁰. А позже имел место эпизод с английским капитаном Фрэнком Бьюмоном из 56-й эскадрильи Королевского летного корпуса, которому пришлось сесть на вражескую территорию из-за поломки крыла его самолета. Капитана арестовали и привели в штаб 27-й немецкой эскадрильи, где обер-лейтенант Геринг предложил пленному шоколад и сигареты и организовал банкет в его честь. Геринг высоко оценил действия подразделения противника и в конце добавил: «Ради бога, не попадайте в руки пехотинцев. Если можете, оставайтесь с нами. Мы вами займемся, и вам будет здесь намного лучше!» Английский летчик, целый месяц пользовавшийся немецким гостеприимством, вспомнил об этом спустя чуть менее двух лет...

Весна 1918 года началась для немецкой армии весьма удачно: русский фронт рассыпался, американцы в бои всерьез не ввязывались, предпринятые Антантой в ушедшем году наступления обескровили их войска и даже вызвали серьезные разногласия между союзниками, а Гинденбург и Людендорф, назначенные на высшие посты в немецкой армии после провала под Верденом и отставки фон Фалькенхайна, выработали новую наступательную стратегию, которая, как они надеялись, должна была привести к окончательной победе. Двадцать первого марта 1918 года сорок восемь немецких дивизий перешли в наступление на участке между Аррасом и Компьенем на стыке французских и английских войск и сумели прорвать линию обороны союзников. В конце мая германские войска оказались всего в 80 километрах от Парижа... Многим немцам уже виделась скорая победа, и Геринг был чрезвычайно горд тем, что способствовал этому успеху. Он одержал свою восемнадцатую официально зарегистрированную победу во главе эскадрильи, боевые качества которой значительно выросли после назначения его командиром. А в начале мая до него дошла весть, которую он так долго ждал: его наградили орденом «За заслуги», высшей военной наградой кайзеровской Германии. Несмотря на то что некоторые другие пилоты сбили больше самолетов, чем он, награда была присвоена Герингу по совокупности заслуг. И 2 июня кайзер лично вручил ему маленький, но столь желанный мальтийский крест, покрытый синей эмалью¹¹. Таким образом, в двадцать пять лет Герман Геринг официально вошел в очень узкий круг настоящих героев войны, чьи фотографии печатались на почтовых открытках и распространялись по всей Германии, вызывая трепетное уважение у мужчин и приливы страсти у девиц...

Возвышение обер-лейтенанта Геринга на этом не закончилось. За месяц до этого, на следующий день после своей восьмидесятой подтвержденной победы в воздушном бою, капитан Манфред фон Рихтгофен не вернулся на базу. Его сбил канадский летчик, противники похоронили Красного Барона с воинскими почестями, а фотографии его украшенной цветами могилы вскоре сбросили с самолетов над позициями немецких войск. Рихтгофен оставил некое подобие военного завещания, в котором назначал своим преемником лейтенанта Рейн-

¹⁰ Более прозаичным объяснением этого эпизода представляется то, что Геринг к тому времени расстрелял весь свой боезапас...

¹¹ Кое-кто уверяет, что в этом деле Лёрцер, кронпринц и фон Эпенштейн использовали все свое влияние. Вполне могло быть и так.

харда. Именно Рейнхард и стал в начале мая 1918 года командиром истребительной эскадры «Рихтгофен», но пробыл в этой должности недолго. Немецкая авиастроительная промышленность продолжала производить все новые типы самолетов и постоянно приглашала немецких асов опробовать новые машины¹². И 3 июля 1918 года Рейнхард и Геринг оказались на берлинском аэродроме Адлерсхорст в окружении многочисленных инженеров с целью «облетать» усовершенствованный «Альбатрос». Обер-лейтенант Геринг вылетел первым, совершил несколько маневров на большой скорости, продемонстрировал несколько элементов высшего пилотажа на большой высоте, сделал «бочку» перед посадкой, приземлился и объявил, что очень доволен новым самолетом. Потом лейтенант Рейнхард сел в кабину, поднял самолет на высоту 2000 футов, выполнил несколько крутых виражей и уже пошел на посадку, но тут вдруг левая плоскость самолета оторвалась от фюзеляжа... «Альбатрос» вошел в крутое пики и врезался в землю. Лейтенант Рейнхард погиб на месте. Все полагали, что его преемником станет Эрнст Удет или Эрих Левенхардт, поскольку оба они были лучшими пилотами знаменитой 1-й истребительной эскадры. Но 7 июля 1918 года на авиабазе Бенье асы «кружка Рихтгофена» обступили младшего лейтенанта Карла Боденшаца, который сообщил товарищам, что вышел приказ командования военно-воздушных сил Германии № 178654, согласно которому «обер-лейтенант Герман Геринг назначен командиром истребительной эскадры имени Манфреда фон Рихтгофена».

Станет ли Геринг хорошим командиром этого наиболее известного германского авиасоединения? Боденшац твердо это утверждал, но именно его убежденность заставила других усомниться в этом. Все другие пилоты категорически это отрицали, но на их объективность в значительной степени повлияла зависть. Однако у Германа Геринга не оказалось ни времени, ни возможности проявить себя в должности командира: приняв командование 14 июля 1918 года и возобновив полеты на следующий же день, он оказался между молотом и наковальней, поскольку в тот момент расклад сил стал катастрофически меняться не в пользу Германии: британские дивизии, прижатые к Ла-Маншу, выстояли, а французы в июне остановили немецкое наступление в районе Шмен-де-Дам. Тут еще и американцы начали принимать более активное участие в боевых действиях, союзные танки действовали очень эффективно. И к середине июля, когда началась вторая битва на Марне, немцы оказались столь же уязвимыми, как и во время первой битвы: их войска были измучены, а пути снабжения чрезвычайно растянуты...

Несмотря на отвагу летчиков, немецкая авиация уже не имела возможности оказывать серьезное влияние на исход битвы, тем более что авиация союзников превосходила немецкую числом самолетов. Уже 15 июля в военном дневнике Геринга появилась такая запись: «Множество боев с большим числом самолетов противника в долине Марны. [...] Во второй половине дня отмечена повышенная активность авиации противника на всех высотах. Особенно активно ведут себя крупные формирования одноместных английских истребителей. [...] Совершили 99 боевых вылетов. Активность противника продолжает возрастать». Восемнадцатого июля эскадра «Рихтгофен» сбила девять французских и два английских самолета, а Геринг записал на свой счет 22-й сбитый им самолет союзников. Но в то же время он отметил в своем рапорте: «Количество английских одноместных истребителей возрастает [...], французские двухместные самолеты постоянно летают плотным строем и незамедлительно атакуют, в основном на малой высоте. Это двухмоторные самолеты “Кодрон”, чью броню не пробивают наши пули. Я лично атаковал 15 июля один “Кодрон”, потратив на него практически весь боезапас. Но “Кодрон” продолжал полет, не обратив на меня ни малейшего внимания». В это, конечно, трудно поверить, но последние модели поступивших на вооружение союзной авиации «сопвичей», «бристолей», «нюпоров», SPAD, а также истребитель RAF S.E.5 имели более высокие летно-

¹² То же самое предпринимали и французские авиастроители. Именно в ходе одного из таких испытательных полетов получил очень серьезную травму воздушный французский ас Шарль Нунжессе.

технические характеристики, нежели немецкие «фоккеры», «пфальцы», АЕG, «альбатросы» и «хальберштадты». А главное, союзных самолетов было значительно больше...

С 26 июля по 21 августа Геринг находился в отпуске, а когда вернулся на фронт, обстановка там сильно осложнилась. После провала второго наступления кайзеровской армии на Марне контратаки войск Антанты встречали значительно меньшее противодействие со стороны немцев. Восьмое августа стало черным днем для немецких войск: под Амьеном им пришлось отступить на 14 километров. Союзники захватили 22 000 пленных и 400 немецких орудий. Эта катастрофа стала концом наступательных действий Германии и началом целой череды отступлений, ускоренных в начале сентября уничтожением суассонского выступа. Моральный дух немецкой пехоты, остававшийся весьма высоким в течение четырех лет войны, начал падать при первых же отступлениях под Лиллем, Дуэ, Камбре и Сен-Кантенем. Для немецкой авиации это означало необходимость постепенно оставлять аэродромы передового базирования, которые попадали в зону досягаемости огня артиллерии противника. Кроме того, личный состав эскадры «Рихтгофен» за неимением зенитных пушек не имел возможности с земли противостоять налетам французских бомбардировщиков, и летчикам-истребителям приходилось все чаще сокращать радиус своих действий, чтобы защитить собственные базы.

Эскадра теряла чуть ли не по два сбитых самолета ежедневно, не считая раненых. Пилоты были утомлены, самолеты до крайности изношены, не было запчастей, а вскоре начались перебои с топливом. А ведь эскадре надо было биться за господство в небе над Мецем, Седаном, Мобежем и Монсом... То, что Герингу удавалось сохранять боеспособность своего подразделения и поддерживать на должной высоте моральный дух подчиненных в таких катастрофических условиях, свидетельствует об его командирских и организаторских качествах. Но к середине сентября в «Рихтгофене» осталась лишь половина летного состава – 53 летчика и сержанта, – а также 473 рядовых, включая поваров, снабженцев и охрану. И поэтому никто не удивился, когда в часть пришел приказ кронпринца: «В связи с тяжелыми потерями, понесенными истребительной эскадрой, приказываю переформировать ее в истребительную эскадрилью. Ей предписывается действовать совместно с 3-й авиационной эскадрой под командованием Грейма¹³».

Авиационное подразделение «Рихтгофен», уменьшавшееся, словно шагреневая кожа, постоянно передвигалось, стараясь не подвергаться атакам противника: Гюиз, Каппи, Стене, Марвиль... В каждом новом месте Геринг и его люди получали новости из тыла, и эти вести оказывались еще тревожнее, чем обстановка на фронте: 3 октября принц Максимилиан Баденский был назначен канцлером, и, по некоторым слухам, он якобы при посредничестве Швейцарии обратился к Соединенным Штатам с предложением начать переговоры о перемирии. Болгария только что капитулировала без боя, после чего ожидалось падение Турции и распад Австро-Венгрии. Из самой Германии постоянно поступали тревожные известия: 26 октября Людендорф подал в отставку, 28 октября немецкий флот отказался выйти в море для того, чтобы с честью погибнуть, и восстал. Советы матросских и солдатских депутатов захватили Киль и другие порты на севере Германии. Волнения моментально охватили армейские части, расквартированные поблизости. Тем временем во Франции отступающие немецкие пехотные части, проследовав через расположение базы эскадрильи «Рихтгофен» в Марвиле, принесли новости о неудержимом наступлении союзников на широком участке фронта, а когда подтвердилось, что французы и американцы во многих местах форсировали реку Мёз, в журнале боевых действий эскадрильи «Рихтгофен» появилась запись об очередном отступлении:

«7 ноября. Напряженные бои на восточном берегу реки Мёз. Противник опять продвинулся на восток. Необходимо эвакуироваться с аэродрома Марвиля. Отходим на своих грузовиках в направлении Теланкура. Аэродром западнее города находится в ужасном состоянии,

¹³ Это тот самый Роберт Риттер фон Грейм, который активно участвовал в двух мировых войнах.

взлетная полоса усеяна бугорками, покрытых травой участков крайне мало, казармы умеренной комфортности. Дожди и облака».

8 ноября. Занялись оборудованием аэродрома и казарм. Пасмурно. Плотная облачность».

Но в журнале боевых действий подразделения в тот день остались незафиксированными другие, более важные события: на улицах Берлина произошло несколько стычек, солдаты стреляли в своих офицеров, в Компьенском лесу проходили переговоры между маршалом Фошем и немецкой комиссией по заключению перемирия под руководством Маттиаса Эрцбергера. А потом, вечером того же дня, в Марвиль пришла новость, которая была обнародована только на следующий день: кайзер Вильгельм намерен отречься от трона, а король Баварии Людвиг III за два дня до этого бежал из дворца...

Утром 9 ноября, когда в Берлине была провозглашена республика, а в Мюнхене запестрели красные знамена, Геринг собрал своих офицеров и сказал им, что, несмотря на растерянность политиков и штабов, эскадрилья «Рихтгофен» непременно должна сохранять единство. Если часть атакуют солдаты-предатели, подразделение будет защищаться с применением оружия. Дух коллективизма явно не угас: в ту ночь офицеры истребительной эскадрильи «Рихтгофен» стояли на часах вместе со своими подчиненными, их командир тоже был с ними.

На следующий день в подразделение из штаба 5-й армии поступили противоречивые приказы: отступить на Дармштадт, оставаться на месте, сдать американским войскам... Геринг решил выполнить приказ, с которым был согласен сам: имущество отправится в Дармштадт наземным маршрутом, а самолеты вылетят туда. Но из-за тумана в тот день не представилась возможность взлететь, а на следующий день, утром 11 ноября, штабной офицер доставил новый приказ верховного командования: снять с самолетов вооружение и перегнать их в Страсбург для передачи французам. Прибывший офицер уточнил, что невыполнение приказа может помешать переговорам о перемирии. Посоветовавшись с ближайшими соратниками – Боденшацем, Удетом, Левенхардтом и Лотаром фон Рихтгофеном¹⁴, – Геринг согласился отправить в Страсбург пять самолетов, а остальные, как и было предусмотрено, в Дармштадт. Пять самолетов вылетели в Страсбург, и летчики, следуя указаниям Геринга, при посадке опрокинули все машины через носовую часть, сделав их непригодными к использованию. Остальные самолеты полетели в Дармштадт, но четыре пилота заблудились в тумане и сели в Мангейме. Аэропорт этого города находился под контролем революционного совета рабочих и солдат, которые конфисковали все бортовое вооружение для собственных нужд. Узнав об этом, Геринг отправил в Мангейм эмиссаров с ультиматумом: или оружие будет возвращено незамедлительно, или его самолеты совершат налет на аэродром и разгромят его. Революционеры сразу же все отдали, и самолеты вернулись в Дармштадт, где и были приведены в негодность. В тот вечер Геринг записал в журнале боевых действий своей эскадрильи:

«11 ноября. Заключено перемирие. Эскадрилья перелетела в Дармштадт при плохой погоде. Со времени своего формирования истребительная эскадра сбила 644 вражеских самолета. Наши потери: погибли 56 офицеров и младших командиров и 6 рядовых, получили ранения 52 офицера и младших командиров и 7 рядовых».

Это был некролог эскадрилье «Рихтгофен»... Официальная демобилизация состоялась несколько дней спустя в Ашаффенбурге неподалеку от Франкфурта. Этот городок, как и многие другие, балансировал между революцией и анархией: солдаты, матросы и рабочие-большевики, став властителями улиц, оскорбляли офицеров и срывали с их мундиров награды. Толпа, которая еще вчера приветствовала своих героев, теперь встречала их с враждебностью и угрюмостью. Как можно было оставаться равнодушными к такой внезапной перемене? Церемония демобилизации проходила во дворе какой-то типографии, после чего рядовые разошлись, а офицеры собрались в ближайшей таверне. «Им следовало бы вернуться в свои семьи, – вспо-

¹⁴ Младший брат Красного Барона. Его кузен Вольфрам тоже в конце войны служил в эскадрилье «Рихтгофен».

минал Боденшац, – но они явно не решались уходить, словно опасались того, что их ждало по возвращении. В этой новой Германии, странной, пугающей и побежденной, все мы чувствовали себя иностранцами и, как все иностранцы, старались держаться вместе. [...] Помню, что настроение Германа балансировало на грани цинизма и ярости. Он заявил, что намерен эмигрировать в Южную Америку и навсегда проститься с Германией, но потом вдруг заговорил о великом крестовом походе, который должен вернуть родине потерянное ею величие. [...] А затем в какой-то момент он поднялся на небольшое возвышение со стаканом в руке и начал говорить [...] об эскадре “Рихтгофен”, о подвигах, мастерстве и смелости летчиков подразделения, которые прославили его на весь мир. “Только в Германии сегодня ее имя марается в грязи, ее подвиги забыты, ее офицеры оскорблены”, – заключил он. А затем яростно высказался о революционерах, которые разрушали страну, позорили армию и всю Германию. [...] “Но мы сумеем побороть эти силы, которые пытаются сделать нас рабами, и победа будет за нами, – добавил он, – те самые качества, что прославили эскадру “Рихтгофен”, пригодятся в мирное время, как годились во время военное”. Потом он поднял свой стакан и сказал: “Господа! Предлагаю тост за Родину и за эскадру “Рихтгофен”!” Он выпил и разбил стакан о пол. И все мы последовали его примеру. Многие из нас плакали, и Герман в том числе».

В Германии той поры царил такой беспорядок, что для того, чтобы доехать до Мюнхена, надо было проехать через Берлин. Когда демобилизовавшийся в звании капитана Геринг в поисках работы приехал в столицу вместе с Эрнстом Удетом в середине декабря 1918 года, их пригласили на собрание Общества защиты демобилизованных офицеров в Берлинскую филармонию, где по поручению правительства выступил генерал Георг-Ханс Рейнхардт, военный министр Пруссии. Он призвал собравшихся не порывать связей с армией, постараться пережить тяжелые времена и пообещал принять всех желающих в военизированные формирования, создававшиеся для защиты правительственных зданий от мятежников и экстремистов. Рейнхардт пришел на собрание уже в униформе новых отрядов, принятой в упрощенном варианте: эполеты заменили скромные голубые нашивки на рукаве. Обращаясь к офицерам, генерал сказал, что эти нашивки ему не очень-то по душе, но придется потерпеть некоторое время. Однако Геринг, всегда придававший чрезмерное значение военной символике, не стерпел. Он попросил слова и, не дожидаясь приглашения, вышел на сцену. Геринг был в полной форме офицера кайзеровской армии, с белыми эполетами, на которых сверкали капитанские звезды, с орденом «За заслуги» на голубой с золотом ленте, повязанной вокруг шеи, с полным набором Железных крестов и другими наградами. И при общем молчании пораженной публики сказал, обращаясь к Рейнхардту: «Ваше превосходительство, эти голубые нашивки вам не к лицу! Лучше бы вы повязали черную ленту в знак скорби по германской армии. [...] Мы, офицеры, выполнили свой долг на войне! Долгих четыре года мы рисковали жизнью ради отечества, а теперь они плюют на нас и лишают нас последнего, что у нас осталось, – наших званий и наград! Позвольте мне заявить, что не народ виноват в нашей беде. [...] Винить надо тех, кто нанес удар в спину нашей славной армии, – тех людей, которые думают только о захвате власти и о том, чтобы обогатиться за счет народа!» Затем Геринг сказал, что день расплаты придет и что предатели будут изгнаны из Германии, и призвал всех трудиться ради этого дня и готовиться к нему.

Излишне говорить, что слова Геринга были встречены бурей аплодисментов. Но оба раза, когда публично произносил импровизированные речи, капитан Геринг выразил негативное отношение к обоим политическим течениям, которые в то время боролись за власть в Германии: в Ашаффенбурге высказался против революционных советов рабочих и солдатских депутатов, в Берлине – против социалистического правительства Эберта... Однако во время второго своего выступления Геринг ввел в обращение обостривший политическую борьбу

в Германии на целое десятилетие миф об «ударе в спину», согласно которому германская армия проиграла войну не на полях сражений, а из-за предательства левых внутри страны. Действительно, внешний враг не сломил кайзеровские войска, а союзные армии не оккупировали Германию. Но утверждение, что страна могла бы еще долгое время продолжать борьбу в деморализованном и нестабильном состоянии, в каком она оказалась в ноябре 1918 года, свидетельствовало о непонимании ситуации либо было просто нечестностью, и Геринг, с его опытом и связями, должен был это четко сознавать. И вот это самое ослепление положило начало многим бедам в будущем...

Вернувшись в Мюнхен, Герман Геринг увидел, что после поражения мать его ведет такую же трудную жизнь, как и все остальные соотечественники. Но ему пришлось вскоре покинуть родной дом, поскольку его активно разыскивали... Дело было в том, что в начале 1919 года советы рабочих и солдат, тайно поддерживаемые большевиками, захватили власть в Мюнхене и принялись устанавливать в городе режим террора, направленный прежде всего против офицеров бывшей императорской армии. Над Герингом, примкнувшим к образованному из ветеранов подразделению «Добровольческого корпуса», которое выступало против власти новых, коммунистических правителей Мюнхена, нависла угроза уничтожения, но ему удалось найти неприступное убежище. Мы помним капитана Бьюмонта, английского летчика, который за два года до описываемых событий пользовался гостеприимством офицера 27-й истребительной эскадрильи лейтенанта Геринга. Так вот, случилось так, что Фрэнк Бьюмонт возглавил миссию союзников, которая осуществляла надзор за расформированием подразделений немецкой военной авиации. Штаб-квартира этой миссии разместилась в гостинице «Четыре времени года» в Мюнхене, где Бьюмонта и посетили в начале февраля 1919 года Геринг и Удет. Английский офицер, чем бы он ни занимался, был благодарным человеком, и он предложил им на месяц приют, питание и свою личную защиту, а затем помог тайно выбраться из Мюнхена, связав их с людьми из подразделения «Добровольческого корпуса», которое обосновалось в окрестностях Дахау. Несколько дней спустя это подразделение атаковало красные бастионы Мюнхена, разбив их из пушек, а затем взяло в свои руки власть во всей Баварии...

Геринг лично в этих боях не участвовал. Он искал для себя работу, но никак не мог ничего найти. Попытавшись снова установить контакт с Марианной Маузер, своей возлюбленной из Маутерндорфа, получил лишь короткую записку от ее отца: «Что ты можешь предложить моей дочери теперь?» Ответ Германа был еще короче: «Ничего».

Этого было явно мало, но так оно и было: капитан Геринг не имел права на военную пенсию, а кроме как обращаться с оружием, делать больше ничего не умел. После своей резкой речи в Берлине он полностью лишился возможности продолжить военную карьеру в будущем рейхсвере. Всего за восемь месяцев Герман Геринг рухнул с вершины славы и благополучия в пропасть безвестности и нужды...

III

Блуждания

На помощь безработному капитану пришла немецкая самолетостроительная промышленность. Несмотря на то что Версальский договор еще не был подписан, уже было известно, что Германия лишится права возродить свою военную авиацию, однако запрет никоим образом не коснется авиации гражданской. Поэтому производители истребителей времен мировой войны быстро переориентировались, а Фоккер оперативно выпустил гражданскую версию последней модели своего биплана D VII и решил показать его в Копенгагене, где в апреле 1919 года устраивалась большая авиационная выставка. А кто мог лучше всех представить самолет и выполнить демонстрационные полеты, как не бывший командир эскадры «Рихтгофен». Ведь разработчики фирмы прекрасно знали его как летчика-испытателя! Когда к нему с этим предложением обратился Антон Фоккер, Геринг не стал колебаться ни секунды. «Я согласился, – вспоминал он, – но при условии, что этот самолет после проведения салона станет моей собственностью. Фоккер не возражал, и я начал немедленно готовиться к вылету. Поскольку предстояло лететь над Балтийским морем, а у меня, естественно, спасательного жилета не было, я надел на грудь накачанную велосипедную камеру и поднялся в воздух. В 18 часов того же дня я приземлился в Копенгагене».

Там капитана Геринга приняли очень тепло. В Скандинавии продолжали высоко ценить асов воздушного германского флота. И как во времена расцвета его славы, Геринга сразу же засыпали просьбами дать автограф. С ним также связались руководители датской гражданской авиации, планировавшие установить авиационное сообщение с Германией и соседними скандинавскими странами. Для этого они намеревались закупить пять новых самолетов типа «биплан». Тут Геринг неожиданно для самого себя превратился в предприимчивого торгового агента: он моментально сумел убедить датчан в прекрасных летных качествах «Фоккера» D VII. Но еще более убедительным стал его показательный полет: ни один летчик другой национальности не решился исполнить фигуры высшего пилотажа, которые продемонстрировал Герман Геринг. Потом он скромно сказал: «В военное время я был в лучшей форме [...], а в сравнении с воздушными боями, которые я вел над Фландрией, эти безобидные полеты в весеннем небе показались мне детской игрой». Возможно, это было сказано для красного словца: когда он летел над портом Копенгагена на низкой высоте, в винт его самолета попала чайка, и винт разлетелся на куски... Самолет начал пикировать, но Герингу удалось выровнять его в самый последний момент и приземлиться в планирующем полете на прибрежную песчаную косу. Зрители, решившие, что это новая фигура высшего пилотажа, горячо заплодировали Герингу и тут же дали ему прозвище Безумный Летчик. Радостные представители фирмы «Фоккер» немедленно предоставили ему запасной винт... и новый самолет в качестве подарка!

Царившая в Дании атмосфера явно понравилась капитану Герингу, и он решил остаться там после окончания авиационного салона. Гранд-отель «Мариенлист», центр модного тогда курорта, предложил ему катать на самолете клиентов, а за работу – жилье, питание и солидное вознаграждение. Конечно, работа эта была сезонной, но от этого не становилась менее приятной...

После дня полетов вдоль побережья Геринг приземлялся на пустынный пляж, подруливал на самолете к самой террасе отеля, закатывал машину хвостом вперед в зал для игр через большую стеклянную дверь и привязывал хвост самолета к бильярдному столу... Двадцать семь лет спустя он все еще смеялся над этим: «Представляете себе это зрелище! Из-под балкона прекрасного отеля торчат крылья, двигатель и шасси немецкого самолета.

К несчастью, каждый день приходилось выкатывать его оттуда ранним утром, чтобы иметь возможность взлететь до появления на пляже купальщиков [...], и поэтому клиенты отеля просыпались, как по сигналу, от мощного рева двигателя!»

Немецкий ас зарабатывал деньги: на разных аэродромах он предлагал желающим совершить первый в их жизни полет за 50 крон; Геринг также присоединился к «летающему цирку» датских летчиков, предложившему ему 2500 крон и столько шампанского, сколько он сможет выпить, всего за два дня воздушной акробатики над городом Оденсе. То, что он выпил первую бутылку *перед* началом выступлений, казалось, ничуть не повлияло на его технику пилотирования, даже наоборот. Но выпивка после посадки – совсем другое дело: перебор со спиртным и последовавшие за этим выходки вынудили его сменить лучший номер гранд-отеля на худшую камеру полицейского комиссариата Оденсе. Наутро все уладилось, и комитет по организации праздника города предложил ему 50 крон за каждую «мертвую петлю», которую он выполнит над городом. До десятой петли на аэродроме царило веселье, потом, начиная с двадцатой, стала чувствоваться некоторая озабоченность, после исполнения же пятидесятой петли руководство комитета начало предчувствовать катастрофу... Но Геринг великодушно ограничился половиной заработанной им суммы! А потом наступил тот памятный день, когда он вместе с четырьмя другими бывшими пилотами эскадрильи «Рихтгофен» выполнил ряд фигур высшего пилотажа, вызвавших восторг у жителей Копенгагена. Вечером того же дня некая прекрасная датчанка привела его к себе домой... «Мы провели ночь в ванне шампанского», – написал потом Геринг своему приятелю Боденшацу. Позже тот так прокомментировал эти слова: «Я все еще не знаю, следовало ли мне понимать его буквально, и, естественно, ни разу не посмел его об этом спросить». И сделал все-таки такой занятный вывод: «Почти целый год он прожил, словно чемпион мира по боксу. Зарабатывал больше денег, чем мог потратить, и мог заполучить любую девушку».

Но все хорошее когда-нибудь заканчивается: ночные похождения наделали много шума, почти не скрываемая связь с замужней женщиной добавила новых сплетен, а после того июньского дня 1919 года, когда он узнал условия заключения Версальского мира, Геринг перестал быть гвоздем программы устраивавшихся в городе ужинов. Тогда он пришел в ярость и закричал в присутствии двух десятков пораженных гостей: «Настанет день, и мы вернемся, чтобы подписать другой договор!» Осенью 1919 года датчане с исключительной вежливостью попросили его попытать счастья в другой стране...

В середине декабря Герман Геринг вылетел в Швецию. Посадив свой «фоккер» неподалеку от Линчёпинга – при этом он сломал шасси самолета, – безработный пилот добрался до Стокгольма поездом. Прибыв в столицу Швеции, он предложил свои услуги авиакомпании «Свенска люфттрафик», которая намеревалась установить регулярное воздушное сообщение между основными городами страны. В то время в Скандинавии опытных летчиков было немного, и воздушный ас капитан Геринг ожидал, что его встретят с распростертыми объятиями. Но, возможно, потому, что его репутация воздушного акробата и распутника уже достигла Швеции, руководство фирмы «Свенска люфттрафик» встретило его довольно прохладно и согласилось нанять лишь в качестве «пилота-контрактника» – что-то вроде пилота, перевозящего пассажиров по их просьбе. Зарплату ему предложили небольшую, но Геринг в то время стал эксклюзивным торговым агентом в Швеции немецкой фирмы «Хейнекен», производившей парашюты, снабженные системой автоматического раскрытия купола, что было по тем временам новинкой. Таким образом, жизнь в Швеции обещала стать приятной, к тому же во время войны шведы испытывали определенную симпатию к Германии, а поражение и экономический кризис в этой стране эти симпатии только усилили. И Геринга, чья репутация героя давно уже преодолела Балтийское море, благосклонно принял местный высший свет. Конечно же для человека, привыкшего к опасной военной жизни, к воздушным боям и к высшему пило-

тажу, несколько провинциальный и пуританский образ жизни в Стокгольме мог показаться скучноватым. Но все изменил случай, да так, что превзошел все ожидания Геринга...

Двадцатого февраля 1920 года в конторе авиакомпании «Свенска люфттрафик» появился швед благородных кровей – граф Эрик фон Розен, прославившийся в начале века на весь мир своими экспедициями в Африку и Южную Америку. Граф хотел попасть в свой замок Рокельстод неподалеку от Спаррехолма, примерно в 150 км от Стокгольма, но опоздал на последний поезд... Предоставим фон Розену рассказать, что было дальше: «Поскольку мне требовалось как можно скорее попасть в Рокельстод, я обратился в авиационную компанию, где мне сказали, что погода для полетов совсем непригодна. Два самолета уже пытались взлететь, но снежная буря вынудила их вернуться. Я стал настаивать, и во время разговора мне сообщили, что у них работает бывший немецкий летчик-истребитель, некий капитан Геринг, который, возможно, согласится полететь».

Но графа при этом не известили, что несколько шведских летчиков, которым до этого предложили слетать в Рокельстод, заявили, что они не самоубийцы. Их отказ оказался предсказуем, ответ Геринга тоже можно было предвидеть: «Мне было очень трудно отказаться, даже несмотря на то, что время было уже позднее, потому что в это время года в 17 часов уже темно. Я попросил принести карту и стал готовиться к полету – изучал карту в течение получаса, для того чтобы запомнить ее. Именно так я делал на французском фронте. [...] Наконец я рассмотрел снимок замка Рокельстод, который нашел в каком-то шведском атласе культурных ценностей: я хотел, чтобы эта картинка сохранилась у меня в мозгу. Замок располагался на берегу озера, которое в это время года уже успело замерзнуть и являлось хорошей посадочной площадкой...»

В половине третьего дня фон Розен, Геринг и его механик прибыли на аэродром. Небо было еще чистым, но на юге уже виднелось нечто вроде стены из темно-серого снега зловещего вида. Два шведских летчика подошли к ним и стали отговаривать от полета, поскольку надвигалась очень мощная снежная буря. О том, что было дальше, рассказывает сам Геринг: «Я усадил сзади механика и графа фон Розена, завел двигатель и взлетел. Но уже на полпути, над городком Гестер – или что-то в этом роде¹⁵, – буря настигла нас. Она оказалась такой сильной, что даже сегодня не могу слышать название этого населенного пункта без того, чтобы не вспомнить об ужасном буряне, вынудившем нас снизиться на километр всего за несколько секунд. Самолет исполнял какой-то дьявольский танец, его постоянно тянуло вниз, мы едва не касались верхушек деревьев, потом он резко взмывал вверх. Мне с большим трудом удавалось вести его в горизонтальном полете. [...] Один раз я едва не врезался в вершину какой-то горы, дважды едва не задел верхушки деревьев. Можете мне не верить, но ручка управления самолетом изогнулась. Наконец мы увидели пейзаж, который походил на тот, что был нам нужен. Буря слегка утихла. Я разглядел внизу замок на берегу белого озера, поблескивавшего льдом в последних лучах дня. Обернувшись к фон Розену, я выкрикнул название замка и сделал вопросительный жест рукой. Граф мотнул головой, и мы продолжили полет. Некоторое время спустя я увидел другой замок на берегу озера, но он явно отличался от того, что я видел на фото в Стокгольме. Я снова обернулся, чтобы спросить графа. Но тот отрицательно покачал головой. Однако теперь я хотел привести все в ясность и приземлился, чтобы расспросить кого-нибудь.

Естественно, первый замок, который мы увидели, и был Рокельстод... Неправильный ответ графа объяснялся очень просто: его сильно укачало, взгляд его помутился, и поэтому он ничего не мог видеть и не понял, о чем я его спрашивал. Итак, мы снова взлетели и через пять минут вернулись к замку Рокельстод. Я прикладывал так много усилий к управлению самолетом, что, несмотря на ветер и зимний холод, весь покрылся потом. Когда самолет приземлился, навстречу нам вышли две женщины». Это была жена фон Розена и служанка, и они быстро

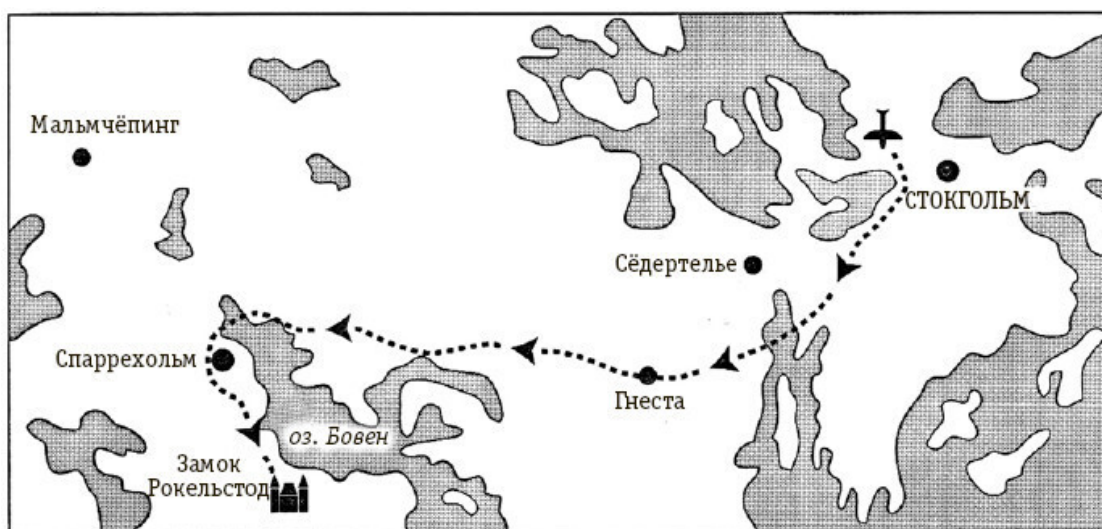
¹⁵ Город Гнеста (см. карту 3 на с. 55).

отвели графа в замок. Геринг с механиком привязали самолет к выступу скалы и последовали за ними.

Все, что происходило потом, должно было показаться Герингу раем после пребывания в аду. После того как он принял горячую ванну и выпил для согрева крепкого грога, хозяин провёл отважного летчика по лабиринтам замка. Сводчатые потолки залов, старинная мебель, картины, гербы, оружие, стяги, статуи, ковры, охотничьи трофеи и древние германские символы не могли не напомнить ему о счастливых днях жизни в Фельденштейне и Маутерндорфе. Затем все уселись за стол в парадном зале, где жарко горел огромный камин, украшенный средневековыми скульптурами. Начался шикарный ужин в обществе графа и его супруги Мари. Хозяйка была крайне предупредительна и явно симпатизировала Германии. А когда к ним присоединилась высокая и стройная девушка с темными волосами и огромными голубыми глазами, пребывавший в приподнятом настроении Герман Геринг почувствовал блаженство. Появление красавицы – это оказалась Карин фон Фок-Канцов, младшая сестра хозяйки дома, – заставило его на какое-то время умолкнуть из-за того, что у него перехватило дыхание. «Ее облик и ее походка пленили меня», – просто скажет потом Геринг, который, по всеобщему признанию, был довольно болтлив. Графиня Фани фон Виламович-Меллендорф, третья сестра Карин, позже описала все, что случилось за ужином, более объективно. И хотя ее рассказ выглядит слишком лиричным, она, несомненно, дала довольно точное описание того памятного вечера: «В тот вечер мы сидели за столом очень долго. Летчик-истребитель смог поделиться своими мыслями свободно и открыто. Он внезапно высказал все долго копившееся в нем возмущение [...] относительно того, на что была обречена его родина. Он рассказал взволнованным слушателям об унижении его народа, поведал историю страданий прекрасной немецкой молодежи, сражавшейся до последней минуты. [...] Хозяин замка поднял свой бокал с немецким вином. [...] Он сказал, что хотел бы выпить за славное будущее Германии, в которое он сам и весь шведский народ твердо верили. Все торжественно встали, и хозяин дома горячо пожал руку своему гостю. Разговоры продолжились до поздней ночи. Граф фон Розен взял лютню, и присутствующие запели народные песни, чувственные, гордые и веселые. [...] В первый вечер Герман Геринг мало общался с Карин, поскольку был очень взволнован».

Карта 3

Из ада в рай: полет 20 февраля 1920 г.

На самом деле эта встреча взволновала и Карин. К тому времени она уже десять лет была замужем за шведским офицером и уже родила от него сына. Графиня Карин фон Фок-Канцов совсем не любила мужа, очень скучала и мечтала о великих приключениях и страстной любви. В Швеции тогда уже перевели роман «Госпожа Бовари» – но читала ли его Карин? Впрочем, это не имело значения: эта тридцати-двухлетняя женщина, отчаянно романтическая и немного загадочная натура, увидела перед собой вынужденно покинувшего родину немца двадцати семи лет, привыкшего к героическим поступкам, патриота, красавца, умного собеседника, в буквальном смысле свалившегося с неба, и сразу же поняла, что это мужчина ее жизни. Взаимное влечение родилось мгновенно и было в каком-то смысле сродни удару молнии после грозы... «Так случилось, – заключил позднее Герман Геринг, – что мой самый сложный полет стал самым прекрасным моим приключением».

На следующий день, выдавшийся погожим, Герман Геринг летел в Стокгольм с легкостью на сердце. Они с Карин дали друг другу обещание видаться, что и делали тайком в последовавшие за первой встречей месяцы, хотя возможности для этого представлялись очень редко. Справедливости ради надо отметить, что в то время Геринг много работал: как «водителю летающего такси» ему приходилось бывать во всех уголках Швеции, а также посещать Эстонию и Финляндию. Поскольку шведские летчики имели обыкновение ломать шасси своих самолетов при посадке – из восьми имевшихся у авиакомпании «Свенска люфттрафик» машин годными к эксплуатации оставались лишь две, – Геринга срочно наняли на должность инструктора, хотя зарплату увеличили не намного. Когда же наконец его личный «фоккер» был отремонтирован, Геринг возобновил полеты с выполнением фигур высшего пилотажа и имел определенный успех. А тем временем Карин приходилось исполнять обязанности супруги нелюбимого мужа и матери восьмилетнего мальчика, которого она обожала и боялась потерять в случае развода. К этому следует добавить, что здоровье ее не отличалось крепостью: Карин серьезно беспокоили слабые легкие и сердце.

Однако ни одна из этих проблем не смогла помешать Карин и Герману уехать в июне 1920 года в Мюнхен, где графиня познакомилась с семейством Герингов в полном составе¹⁶.

И там она с удивлением услышала, как Франциска Геринг строго отругала сына за то, что тот похитил жену уважаемого офицера и лишил восьмилетнего ребенка матери... Карин тоже досталось: ей было сказано, что единственное достойное решение – незамедлительно получить развод, чтобы соблюсти все приличия! Этот урок морали, преподанный женщиной, которая четырнадцать лет сожительствовала с любовником под одной крышей с мужем, мог бы возмутить, но капитан Геринг был послушным сыном, а Карин умела сохранять флегматичный вид в любой обстановке, так что согласие было вскоре установлено, а любовники провели прекрасное лето в баварских горах. Тот факт, что Карин посылала в ходе своего странствия почтовые открытки и фотографии сыну и *мужу*, удивил бы лишь того, кто еще не догадался о том, что история этой семейной пары была не совсем обычной...

В конце лета Карин вернулась в Швецию, где с радостью вновь встретилась с сыном Томасом, со своими родственниками и... с мужем Нильсом фон Канцов, который продолжал ее любить и терпеливо ждал ее возвращения в семью. Но его ждало разочарование, потому что Карин немедленно потребовала развода, несмотря на неодобрение родителей и сестер. Она стала умолять любовника вернуться в Стокгольм. Герман так и поступил. Вернувшись в Швецию в декабре 1920 года, он снова взялся за работу. Именно он проложил первый почтовый авиамаршрут между Германией и Швецией: Варнемюнде – Копенгаген – Мальмё. Параллельно он продолжил свою деятельность в качестве представителя немецкой фирмы, производящей парашюты, и один из его английских конкурентов, Вильям Блейк, набросал такой точный и провидческий портрет знаменитого летчика-коммерсанта той поры: «Геринг был очень спо-

¹⁶ Включая обеих сестер Германа, Ольгу и Паулу, младшего брата Альберта и старшего брата Карла Эрнста.

собным, но несколько странным! Он считал, что может сравниться с кем угодно. [...] У него была удивительная склонность к саморекламе. [...] Его визитная карточка размером напоминала почтовую открытку, и в этом был он весь. Он все преувеличивал, делал из мухи слона. Ужасно любил хвастать. Полагаю, он надеялся, что ему поверят. Он очень любил вино. Мне кажется, что у него была слабость к женщинам. Он всегда стремился натворить много историй из ничего. Неплохой продавец. Но не из тех, кому можно было доверять. При всем этом он был очень умен, и в голове у него было много серого вещества». Сомнений нет, это истинный портрет нашего персонажа.

Любовники поселились в небольшой квартире в районе Остермальм. Образ жизни вели довольно скромный, к чему графиня не была приучена, но она жила ради своего Германа, а сестре Фани призналась: «Мы – словно Тристан и Изольда, опьяненные любовным напитком». Высшее стокгольмское общество, спокойно воспринимавшее творчество Вагнера, сурово осуждало поведение Карин, как и ее родные. Полковник барон Карл фон Фок, хотя он и имел немецкие корни и был явным германофилом, с большим неудовольствием относился к любви дочери к немецкому офицеру без родины, да еще и почти бедняку. Его супруга баронесса Хюльдин, мистично настроенная и крайне эксцентричная особа, с пониманием воспринимала романтическую сторону этой истории, что, несомненно, объясняло то, что пару несколько раз приняли в семейном доме, где юмор и обходительность Германа в конечном счете немного смягчили предубежденное отношение к нему. А поведение покинутого мужа выглядело еще более удивительным: следуя традициям того времени, лейтенант Нильс фон Канцов мог бы вызвать любовника жены на дуэль, но вместо этого он пригласил его на обед в обществе жены и сына! Обстановка за столом могла быть по крайней мере странной, но Геринг рассказывал о своих военных приключениях, Нильс фон Канцов с интересом его слушал, а юный Томас явно восхищался гостем, о чем сам позже и рассказал: «Я сразу же его полюбил. Это было нетрудно, потому что у него прекрасный характер. [...] Помню, как он очень нас развеселил, особенно когда заговорил о своих злоключениях в качестве легчика. Я видел, что мой отец очарован, и заметил, что мать практически не сводила глаз с Геринга. В то время я не мог выразить это словами, но чувствовал, что она в него влюблена».

Точно подмечено... Той весной 1921 года Карин и Герман были неразлучны. Их спартанский образ жизни только веселил их, сплетни шведского высшего света их не трогали, Томас часто уходил из отцовского дома к матери, а та водила любовника по музеям и картинным галереям Стокгольма, желая, чтобы ему передалось ее увлечение живописью и скульптурой. В этом она, кстати, преуспела сверх ожиданий... Но в то время Геринг понимал, что карьеры в Швеции ему не сделать: работодатели, конечно, ценили его мастерство, но их отталкивали его надменность, его предрасположенность делать из мухи слона и его стремление установить в компании строгую тевтонскую дисциплину, очень непонятную для шведского менталитета. С другой стороны, Герман, ставший политическим сиротой после падения кайзера и внимательно следивший за жизнью Веймарской республики, продолжал интересоваться развитием событий в Германии. Поэтому он взял в привычку внимательно читать берлинскую и мюнхенскую прессу, чтобы быть в курсе политической жизни своей страны. Имел ли он уже тогда какие-либо политические амбиции, желание сыграть в этой сфере свою особую роль? Вполне возможно, но он отлично осознавал, что пробелы в его политической культуре не позволяют надеяться на успех в политике. Вот что он сказал на этот счет: «Я понял: для того чтобы способствовать развитию страны, необходимо по меньшей мере знать механизмы этого процесса, постараться понять взаимосвязь между внешними и внутренними событиями». Постепенно у Геринга созревает решение вернуться в Мюнхен и поступить в университет для изучения экономики и политической науки. Он принялся торопить свою подругу с разводом, но стоило той лишь поднять этот вопрос, как весьма мягкотелый Нильс фон Канцов дал понять, что в данном случае он потребует, и несомненно добьется, чтобы Томас остался с ним. Правду говоря,

Карин в этом и не сомневалась, но она так любила сына... Поэтому летом 1921 года ее любовник вернулся в Германию один.

Осенью того же года Геринг стал студентом факультета политических и экономических наук Мюнхенского университета. Ему уже исполнилось двадцать девять лет, он, конечно, был старше большинства однокурсников, но дальнейшее развитие событий покажет, что Геринг прекрасно усвоил материалы лекций по экономике и политической науке, хотя они и могли казаться чистой теорией ему, непоседливому человеку, для которого дело всегда было важнее слова. Впрочем, нельзя с уверенностью говорить о том, что эти предметы он добросовестно изучал в Мюнхене зимой 1921/22 года: погода тогда стояла очень холодная, большей части населения было нечем отапливать дома, почти повсюду возникали голодные бунты, марка стремительно обесценивалась. В апреле 1921 года союзники определили, что Германия должна выплатить репарации в размере 132 миллиардов золотых марок. К тому же за полгода до этого Лига Наций передала Польше большую часть Верхней Силезии, где находились ценные с экономической точки зрения угольные шахты... Итак, недовольство народа Германии, которое не могло обратиться против победителей, обрушилось в первую очередь на правительство Веймарской республики, повинное в смертном грехе – подписании перемирия в ноябре 1918 года.

Таким образом, находившиеся у власти социал-демократы оказались между двух огней: сначала, весной 1920 года, консервативные силы при поддержке подразделений «Добровольческого корпуса» предприняли попытку государственного переворота, так называемый Капповский путч, потом последовали забастовки симпатизировавших коммунистам рабочих. А затем, в августе 1921 года, случилось убийство Маттиаса Эрцбергера, который возглавлял немецкую делегацию, подписавшую Компьенское перемирие. Не прошло и десяти месяцев после этого, как был убит министр иностранных дел Веймарской республики Вальтер Ратенау, сторонник политики полной выплаты навязанных Германии репараций. И словно всего этого было недостаточно, власти Баварии вскоре вступили в конфликт с Берлином по причине крайнего недовольства политикой социалистов населения этого монархически настроенного региона и желания получить определенную самостоятельность... С той поры сменявшие друг друга премьер-министры Баварии, фон Кар, Лерхенфельд и фон Книллинг, начали испытывать на себе сильное давление правых, требовавших отказаться применять в Баварии антитеррористические законы, которые навязывал Берлин, и не выполнять декреты о роспуске военизированных формирований. А крайне правых организаций ветеранов армии, подразделений «Добровольческого корпуса» и различных патриотических лиг в Баварии были сотни, и все эти организации вели очень активную деятельность. Некоторые из них стояли на позициях монархизма, национализма, автономии или сепаратизма, а большинство выступало с позиций ярко выраженного реваншизма, выступали против социалистов, коммунистов, клерикалов, парламентаристов, французов, республиканцев, капиталистов и евреев...

Не стоит говорить, что эта многогранная агитация находила отклики у преподавателей и студентов Мюнхенского университета. Зная, какие чувства владели Германом Герингом с 1918 года, невозможно даже представить, что подобные события могли оставить его равнодушным. Однако поначалу он воздерживался от активного участия в них, но не из-за того, что полностью отдавался освоению университетской программы. Все объяснялось тем, что Карин уже через месяц не могла больше находиться вдали от своего дорогого Германа, и, несмотря на неодобрение родителей и сестер, она приехала к нему в Мюнхен. Влюбленные устроились жить в снятом в 1920 году небольшом сельском домике близ поселка Байришцелль, на полпути между Мюнхеном и Зальцбургом. На что же они жили? Карин рисовала картины и занималась изготовлением поделок. Герман написал несколько статей о своих подвигах во время мировой войны, но на этом было невозможно достаточно заработать¹⁷. На самом же деле, как бы

¹⁷ Кроме того, потребовалось сделать Карин хирургическую операцию, на что ушло довольно много денег.

странно это ни выглядело, Нильс фон Канцов не мог позволить себе оставить неверную жену без средств к существованию. И он раз за разом посылал Карин довольно крупную сумму¹⁸, и эти деньги позволяли ей с любовником не испытывать материальных затруднений в охваченной политическими волнениями Германии, где к тому же царил экономический хаос...

Это, естественно, было неизбежно: Герман Геринг вскоре заразился чесоткой политической активности! Его, кстати, подтолкнула к этому Карин, которая предсказала будущее великого государственного деятеля, сославшись при этом на свои способности медиума¹⁹. В общем, наш ветеран-студент начал принимать участие в собраниях различных националистических группировок Мюнхена. Но поскольку он был убежденным сторонником дела, ему очень быстро надоели эти «дискуссионные клубы», руководимые людьми, которые много говорили, но мало делали. Поэтому он начал подумывать о создании собственной революционной партии с опорой на многочисленных офицеров, которые прозябали в Мюнхене. Однако вскоре совершенно четко уяснил, каких результатов ему удастся достичь, – после одного эпизода, о котором рассказал следующее: «Помню, как на одном собрании стали обсуждать программу, которая предусматривала предоставление каждому офицеру-ветерану войны пиццы и койки для ночлега. Я им сказал: “Сборище никчемных глупцов! Вы полагаете, что человек, достойный носить звание офицера, не способен найти себе койку для ночлега, да еще с красивой блондинкой? Черт побери, ведь есть куда более важные задачи”. Какой-то тип повел себя вызывающе, и тогда я его ударил. На том собрании и закончилось...» И Геринг понял: у него нет качеств, необходимых для руководителя партии.

И вот в конце октября 1922 года колеблющийся студент Герман Геринг наконец нашел то, что так долго искал. Он случайно присоединился к толпе, собравшейся на Кёнигсплац, чтобы заявить протест последней ноте союзников, требовавших от германского правительства выдачи определенного числа лиц, которые считались военными преступниками. «Я присутствовал на площади просто в качестве зрителя, – вспоминал позже Геринг, – в манифестации участия не принимал. Там выступили многие ораторы от различных партий и организаций. В конце митинга на трибуну был приглашен Гитлер. Я услышал, как кто-то коротко произнес его имя, и мне захотелось услышать, что же скажет он. Гитлер отказался выступать, а я случайно оказался неподалеку и услышал причину отказа. [...] Он считал, что нет смысла выкрикивать протесты, если нет ни малейшей возможности претворить их в жизнь. Эти слова меня поразили: я чувствовал то же самое и был готов сказать об этом вслух. Я навел справки и узнал [...], что Гитлер проводит собрание по вечерам каждый понедельник. Я пошел на собрание и услышал, что Гитлер говорил об этой манифестации, о несправедливости Версальского договора [...] и о том, что отрицает его жестокие требования. Он сказал, что такое выражение протеста, каким был воскресный митинг, [...] имело бы шансы на успех, если бы опиралось на некую силу, которая придавала бы протестам вес. А пока Германия остается слабой, все эти жесты никому не интересны. Именно так думал и я. Несколько дней спустя я пришел в штаб-квартиру НСДАП²⁰. [...] В то время я не знал ее программы, не знал, что это совсем немногочисленная партия. Вначале я просто хотел поговорить с Гитлером и понять, смогу ли чем-нибудь ему помочь. Он принял меня незамедлительно, и [...] мы сразу же стали обсуждать то, что накопилось у нас на сердце».

На самом деле разговор должен был свестись к одному из обычных монологов Гитлера об ударе в спину, приведшем к перемирию, о несправедливости Версальского договора, о националистической программе, об антисемитской, антикапиталистической и антисоциали-

¹⁸ А также билет на самолет в один конец до Стокгольма! Надежда умирает последней...

¹⁹ В этом она следовала примеру своей матери, бабки и обеих сестер. Псевдомедиумным способностям женщин рода фон Фок, входившего, кстати, в религиозную мистико-нордическую ассоциацию «Общество эдельвейса», стоило бы посвятить отдельную главу.

²⁰ Национал-социалистская рабочая партия Германии.

стической направленности деятельности НСДАП, о необходимости мобилизации трудящихся для свержения стоявших у власти в Берлине иудеев-марксистов. Как и многие до и после него, Геринг был очарован: «Наконец-то я встретил человека, который имел четкую и ясную цель. Я сказал ему, что готов быть в его полном распоряжении со всеми имеющимися у меня возможностями». Гитлер прекрасно понял, что перед ним сидит потенциально полезный и очень чувствительный к лести человек, и в конечном итоге предложил Герингу «ответственную должность» в своей организации: руководство «штурмовыми отрядами»²¹ партии. «Он долго искал, – вспоминал потом Геринг, – командира, который как-то прославился во время последней войны, [...] что придало бы ему необходимый авторитет. [...] И тут удача ему улыбнулась: в его распоряжение поступил последний командир эскадры “Рихтгофен”. Я сказал ему, что мне неловко сразу же занимать руководящую должность в партии, поскольку все могли подумать, что я вступил в партию именно для этого. В конце концов мы пришли к соглашению: я официально проведу месяц-другой в тени, а потом приступлю к исполнению новых обязанностей. Но фактически начну работать незамедлительно. [...] Так я стал соратником Адольфа Гитлера».

Герман Геринг практически ничего не знал о человеке, которому вручил свою судьбу. Он не знал также истинных причин, заставивших Гитлера доверить ему «руководящую должность» в партии, история возникновения и особенности деятельности которой были ему также неизвестны. И разумеется, между ними никогда не поднимался вопрос о каком бы то ни было вознаграждении. Но для Геринга все это не имело никакого значения: он нашел вождя, идеал, получил возможность построить карьеру и обрел задачу, которая была ему по плечу: командовать людьми и снова играть значимую роль в судьбе своей страны...

²¹ Называвшиеся вначале *Защиты* («защита залов»), эти отряды из 150 здоровяков имели задачей охранять собрания партии. Переименованные в 1920 году в «Гимнастический и спортивный дивизион», они сильно увеличились в численности за счет некоторых подразделений «Добровольческого корпуса». В октябре 1921 года они получили свое окончательное название «штурмовые отряды» (*Sturmabteilung*) и стали печально известны под сокращенным наименованием СА.

IV Откровение

«В то время, – сказал позже Герман Геринг, – я не знал, что это немногочисленная партия». Действительно, НСДАП была родившейся в результате поражения 1918 года небольшой и разношерстной группой, одной из тех, коих в послевоенной Германии появилось великое множество. Возглавляемая слесарем по имени Антон Дрекслер, который составил ее «программу» из нескольких невнятных националистических, антисоциалистических и антисемитских лозунгов, и называвшаяся вначале Немецкая рабочая партия (ДАП), при своем основании она насчитывала шесть членов, не имела ни штаб-квартиры, ни программы, ни телефона, ни печатной машинки, ни даже эмблемы, и сочувствовали ей всего человек сорок... Но когда ефрейтор Адольф Гитлер, подбадриваемый и финансируемый высшими чинами рейхсвера, осенью 1919 года стал седьмым членом политбюро партии, все изменилось: меньше чем за два года этот незначительный в политическом смысле кружок обзавелся штаб-квартирой, программой, новым названием и соответствующей аббревиатурой, у партии появился красный флаг со свастикой, влиятельная газета, бойцы, объединенные в штурмовые отряды, 6000 новых членов и весьма расширившаяся аудитория...

Это преобразование произошло почти исключительно благодаря необычайному таланту пропагандиста и оратора Адольфа Гитлера. «Быть вождем, – написал он однажды, – означает уметь взволновать массы». Действительно, банкир Ялмар Шахт вспоминал, что фюрер «умел виртуозно играть на хорошо настроенном пианино сердец мелкой буржуазии». Но влияние его речей распространялось значительно шире: на дворянство и военных, на студентов и журналистов. Бесчисленные свидетели его выступлений описывали гипнотическое воздействие, которое оказывала на них странная смесь убеждения, иронии, экзальтированности, простоты, ненависти, логики, демагогии и ругательств – всего того, что содержалось в речах Гитлера, которые этот невзрачный с виду человек с усиками, с непокорной челкой и глазами фанатика произносил с удивительными сменами тона и выразительной жестикуляцией. А услышав его один раз, сразу же принимали решение следовать за ним и поддерживать его люди самых разных сословий: бывший летчик Рудольф Гесс, прибалтийский инженер-строитель Альфред Розенберг, издатель журнала об искусстве Эрнст Ганфштенгль, студент-националист Ганс Франк, фельдфебель-активист Макс Аман, преподаватель-антисемит Юлиус Штрайхер, экзальтированный памфлетист Герман Эсер, фотограф-алкоголик Генрих Хоффман, бывший консул и лжедворянин Макс Эрвин фон Шойбнер-Рихтер, мельник и мясник Ульрих Граф, инженер и экономист Готфрид Федер, профессиональный военный и гомосексуалист Эрнст Рём, часовщик-преступник Эмиль Маурис, начальник городской полиции Мюнхена Эрнст Пенер, сочувствовавший социалистам фармацевт Грегор Штрассер, поэт-наркоман Дитрих Эккарт и светский человек Курт Людеке. Последний довольно точно описал общую реакцию, излагая собственные первые впечатления о Гитлере-ораторе: «Все мои критические способности были забыты. Он держал массы и меня вместе с ними под воздействием гипноза всего лишь силой своей убежденности. [...] Он предстал передо мной новым Лютером. Я чувствовал восторг, который был сравним разве что с религиозным трепетом». Издатель и музыкант Ганфштенгль, впервые услышав Гитлера примерно в то же время, что и Геринг, сравнил фюрера с «искусным скрипачом», чье умение владеть голосом, риторика и поведение не имели себе равных. А затем добавил: «Я оглядел аудиторию. Была ли это та безликая толпа, которую я видел всего лишь час назад? [...] Гул голосов и звяканье кружек стихли, все присутствовавшие упивались каждым его словом. В нескольких метрах от меня сидела молодая женщина, которая не сводила глаз с оратора.

Застыв, словно в религиозном экстазе, она перестала быть сама собой и полностью отдалась во власть чар деспотической веры Гитлера в будущее величие Германии».

Можно процитировать сотни других подобных же свидетельств, которые объединяются одним выводом: Гитлер был виртуозным оратором, воздействовавшим более на чувства, нежели на разум слушателей, он умел нейтрализовать критическую способность разума и разбудить страсти. Для того чтобы вырваться из-под власти этого дьявольского гипноза, требовалась необычайно мощная сила характера, но Герман Геринг, бывший воздушный ас, метавшийся в поисках какого-нибудь занятия, идеала, какой-нибудь сильной личности и какого-нибудь дела, которое следовало бы защищать, явно не нашел в себе этой силы, как и большинство других людей, слушавших Адольфа Гитлера тогда, в конце 1922 года...

Однако, несмотря на харизму своего вождя, НСДАП сталкивалась с точно такими же проблемами, какие испытывало большинство мелких политических движений того времени: она не имела практически никакой аудитории вне Мюнхена и была вынуждена бороться за выживание с сотнями конкурирующих организаций, начиная с коммунистов и заканчивая монархистами. Находясь под пристальным надзором баварских властей, НСДАП испытывала огромные организационные трудности, которые были следствием того, что ее лидер надеялся одними своими речами решать все проблемы. Партию раздирали глубокие противоречия между ее руководителями²², и она постоянно нуждалась в средствах. «Довольно часто, – вспоминал Курт Людеке, – когда требовалось расклеить афиши с объявлениями о предстоящих собраниях, посвященных изменению ситуации в мире, у нас не было денег, чтобы купить клей». Наконец, даже то, что, казалось бы, составляло ее силу, потенциально было источником слабости НСДАП: 5000 членов СА, запугивавших противников и отличавшихся в уличных схватках, находились в подчинении капитана Эрнста Рёма и лейтенанта Клинтцша, которым Гитлер не очень-то доверял²³.

Именно в тот момент появление Геринга должно было показаться даром providения фюреру, поскольку у него появлялась возможность разом решить несколько проблем: имея боевой опыт и способность увлекать за собой людей, Герман Геринг к тому же был прекрасным инструментом для того, чтобы вернуть в лоно партии ту силу, которая грозила превратиться в милицию, находящуюся исключительно под влиянием капитана Рёма. Кроме того, за Геринга были престиж бывшего командира эскадры «Рихтгофен», награды, цветущий вид и склонность к полноте. Именно все это и стало причиной восторга Гитлера, который он высказал своим соратникам после ухода посетителя: «Великолепно! Герой войны, заслуживший крест “За заслуги”. Вы понимаете? Это же фантастический фактор для пропаганды! Кроме того, у него много денег, и он не будет стоить мне ни гроша!»

У Германа Геринга было много денег? Как всегда, Гитлер принял желаемое за действительное... На самом же деле славный авиатор и периодически возобновлявший обучение в университете студент Геринг жил лишь на средства своей любовницы, которая сама существовала на подачки мужа! Но поскольку шведская крона оставалась твердой валютой, а немецкая марка полностью обесценилась, пара все еще могла вести более чем достойный образ жизни, ездить на автомобиле «Мерседес-Бенц», любовники даже купили небольшую виллу в Оберменцинге, богатом пригороде Мюнхена. Тем временем Карин все-таки смогла добиться от Нильса фон Канцова согласия на развод, который и прошел полюбовно несколько месяцев спустя. Когда последнее препятствие было преодолено, любовь могла праздновать победу: 3 февраля 1923 года в мэрии Оберменцинга Карин и Герман соединили свои судьбы навечно в присутствии

²² Коими были Розенберг, Гесс, Вебер, Эккарт и Дрекслер.

²³ Рём, финансировавший партию Гитлера из фондов рейхсвера, видел в отрядах СА зародыш «параллельной» армии, которая смогла бы начать борьбу с французами. А Гитлер хотел только сделать СА некой политической силой в распоряжении партии, которая позволила бы ему захватить власть. Клинтцш вообще был непонятной фигурой, являясь членом экстремистской организации «Консул», которая, вероятно, и организовала убийство Эрцбергера и Ратенау.

матери Германа, его обеих сестер и его брата Альберта. На церемонии бракосочетания присутствовала и одна из сестер невесты – Фани²⁴. Там было также много друзей Германа из эскадрильи «Рихтгофен», которых привел с собой верный Боденшац. А те, кто не смог принять участия в церемонии, прислали коллективное послание, с такими вот словами: «Мы всегда говорили: наш Геринг пойдет дальше других». Это было предсказание, которое сбылось, превзойдя всякие ожидания...

После трехнедельного свадебного путешествия, неминуемо приведшего молодоженов в шале близ поселка Байришцелль, пара вернулась в Мюнхен и начала трудиться. Работа Карин состояла в основном в посещении всех распродаж и всех местных антикваров с целью как можно лучше обставить новое жилище. Она сделала это с большим вкусом, а на втором этаже установила свою маленькую белую фисгармонь. Герман же с энтузиазмом окунулся в партийную работу. Начиная с весны 1923 года его вила в Оберменцинге стала местом проведения бесконечных совещаний с участием Гитлера и его главных помощников – Экарта, Эсера, Амана, Гесса, Розенберга и Ганфштенгля. «Геринг, – вспоминал последний, – оборудовал в подвале нечто вроде уголка заговорщиков в готическом и германском стиле».

Следует отметить, что экономическая и политическая ситуация в стране играла на руку заговорщикам: в январе 1932 года за доллар давали 10 400 марок, а в феврале уже 50 000. С другой стороны, поскольку Германия все еще не могла выплатить репарации, в начале 1923 года в Рейнскую область были введены пять французских и одна бельгийская дивизии. Это вызвало во всей стране огромную волну возмущения, которую Гитлер решил превратить в восстание, чтобы двинуться во главе недовольных сограждан на Берлин. Как поступил Муссолини, недавно захвативший Рим. Но для того, чтобы эти мечты стали реальностью, требовалось заручиться поддержкой баварских властей – или, по крайней мере, их нейтралитетом – и войти в союз с другими местными националистическими лигами, такими как «Знамя рейха», «Союз Родины» или «Боевой союз Нижней Баварии», а главное – как всегда – получить новые субсидии, чтобы успокоить старых кредиторов... Вот эти-то вопросы и обсуждали постоянно сподвижники Гитлера по ночам в подвале дома в Оберменцинге²⁵ до самой зари с литровой кружкой пива в руке, этим непременным атрибутом серьезного разговора между уважающими себя мюнхенцами.

Однако именно это слегка задевало чувство респектабельности хозяина дома. Ганфштенгель писал: «Геринг выказывал насмешливое презрение к окружавшей Гитлера маленькой группке баварцев, которых он считал пьяницами и гуляками с ограниченными провинциальными интересами». Ганфштенгель мог бы еще добавить, что Геринг считал Гесса ненормальным, Розенберга – сумасбродным идеологом и говорил им это в лицо без всякого стеснения, что и объясняет, кстати, их тайную лютую ненависть к нему²⁶. Но критика Германа Геринга совсем не касалась фюрера, чьи политические горизонты охватывали европейский континент. Не обращал он внимания и на его предрассудки. Действительно, в ходе бесконечных монологов Гитлер говорил о реванше за проигранную войну и о возмездии Франции, о нападении на Россию с целью захвата зерновых хранилищ на Украине²⁷, о захвате Чехословакии и овладении заводами «Шкода». В своих расчетах он не учитывал США и при этом постоянно цитировал Наполеона, Клаузевица и Фридриха Великого. Наконец, он постоянно ругал социалистов, ком-

²⁴ Родители Карин на свадьбу не приехали.

²⁵ И во многих мюнхенских пивных, где у заговорщиков были зарезервированы столики...

²⁶ С момента зарождения национал-социализма основные члены окружения Гитлера друг друга ненавидели. «Штаб-квартира партии, – писал Курт Людке, – была местом собрания маленьких Гитлерочков, покорных большому Гитлеру, но они постоянно игнорировали или опасались друг друга». И Гитлер очень умело этим пользовался, чтобы навязывать свою власть в течение долгих двадцати с лишним лет.

²⁷ Эти мысли о беспощадной войне против России были ему явно внушены Розенбергом и Шойбнер-Рихтером, двумя прибалтийскими эмигрантами, которые так и не стали до конца немцами, но фанатически ненавидели коммунистов.

мунистов, франкмасонов, католиков, а в первую очередь евреев, которых обвинял в развязывании мировой войны, в осуществлении большевистской революции, в поражении 1918 года, в экономическом разорении Германии и в глобальном заговоре с целью захвата всего мира...

Как же мог Геринг молча выслушивать подобный бред? Неужели он был в таком же состоянии, в каком оказалась на одном из выступлений Гитлера Винифред Вагнер, которая позже вспоминала: «Голос Гитлера становился все глубже, и мы все вокруг него превратились в птичек, очарованных музыкой его слов, на содержание которых не обращали ни малейшего внимания»? Мало того что по своей комплекции Герман Геринг никак не мог походить на какую бы то ни было птичку, трудно себе представить, что человек с умственным развитием значительно выше среднего уровня²⁸ мог до такой степени потерять чувство реальности. Но при этом надо помнить о пресловутом гипнотическом воздействии речей Гитлера, учитывать большие пробелы в исторической культуре, в экономических и политических знаниях студента-дилетанта Германа Геринга. А главное, не забывать, что этот человек дела нарочито игнорировал идеологию, теорию и риторику. Он сам однажды сказал: «Я присоединился к НСДАП именно потому, что это была революционная партия, а не из-за всей этой идеологической болтовни». Наконец, следует помнить о том, что заявления о реванше и обличительные речи, направленные против социалистов, французов, республиканцев и евреев, звучали в то время в Германии повсюду, и Гитлер отличался от других ораторов только своим красноречием и использованием ругательства. Однако для Геринга, как и для многих других, красноречие затмевало ругательства...

Но ведь была еще и Карин, которая оказывала на Германа большое влияние. Ее высочайшая образованность могла бы превозмочь безумное влияние экзальтированного австрийского ефрейтора. Увы! Как и большинство женщин того времени, Карин Геринг сразу же попала под очарование этого странного соблазнителя, которого она считала галантным, непредсказуемым и юморным мужчиной. Именно таким Гитлер и был в присутствии молодых красивых женщин. Кроме того, Карин видела в нем человека, которому суждено спасти Германию, и хотела при этом обеспечить карьеру мужу. Она даже приняла программу национал-социализма, не особенно при этом задумываясь над самыми темными и самыми противоречивыми ее положениями. Мистицизм и несколько наивный романтизм Карин в сочетании с посредственным знанием немецкого языка привели к тому, что она весьма благосклонно восприняла все угрозы фюрера, даже когда он объявил, что все евреи в Германии должны быть *устранены*²⁹. Кроме того, домашнее воспитание Карин сделало ее весьма терпимой ко всем тезисам о превосходстве северных народов и арийской расы над остальными.

С того времени эта графиня наивно и добровольно стала считать для себя честью участвовать во всех собраниях и маршах членов национал-социалистской партии, что, кстати, давало ей пьянящее ощущение того, что она играет особую роль в важных событиях, о чем Карин мечтала с детства. Со своей стороны, Гитлер, этот гениальный пропагандист, незамедлительно оценил всю ценность вовлечения в ряды возглавляемого им движения такой знатной женщины как Карин Геринг, вхожей в высшей свет. Он даже назвал ее «талисманом партии», что графиня восприняла как комплимент... Но хотя Карин казалась ему такой же полезной, как и ее муж, фюрер относился к ним предвзято. Эрнст Ганфштенгль вспоминал: «Гитлер зашел к нам как-то поздним вечером, после того как побывал в гостях у Герингов, и стал изображать эту пару в присутствии моей жены. “Там настоящее любовное гнездышко, – рассказывал он. – Только и слышишь: “Герман, дорогой””, – сказал он, имитируя чересчур влюбленный голос Карин. А потом добавил с насмешливой сентиментальностью: “У меня никогда не было такого дома, и никогда не будет”». Тут, естественно, нельзя исключать глубокой зависти со стороны Гит-

²⁸ В 1946 году американцы определили, что его коэффициент интеллекта составлял 135 единиц...

²⁹ Слово *entfernen*, которое использовал Гитлер, означает также «отстранить». Многие современники полагали, что Гитлер хотел всего лишь отстранить евреев от власти, поскольку считалось, что они в то время несправедливо монополизировали власть в Германии.

лера: Геринг, который был на три года моложе него, воздушный ас, всеми любимый в недавнем прошлом, имевший огромное количество наград, живший явно небедно, имел еще и жену благородных кровей, привлекательную и желанную женщину. Сам же он – бывший безвестный ефрейтор, непризнанный художник, неудавшийся архитектор – жил в комнатке площадью 9 квадратных метров без всякого отопления и слыл закоренелым холостяком, обладавшим ненормальной сексуальностью...

Неужели ни один человек в мире не мог остановить Германа Геринга на краю пропасти той весной 1923 года? По меньшей мере один мог, его младший брат Альберт Геринг, но его влияние оказалось весьма незначительным. Вкусивший все тяготы окопной жизни на Сомме и не познавший славы, в отличие от старшего брата, Альберт в 1918 году был тяжело ранен в живот и уволен из армии в звании лейтенанта. Вернувшись в Мюнхен, он долгие месяцы жил впроголодь в обстановке политической нестабильности, воцарившейся после заключения перемирия. В начале 1920 года Альберт поступил в Политехнический университет Мюнхена, желая стать инженером-механиком. Человек умеренного темперамента, он не дал себя втянуть в крайне экстремистское движение, которое господствовало в университете: Альберт Геринг сразу же почувствовал нечто демоническое и разрушительное в речах Адольфа Гитлера. Когда он рассказал об этом Германи, тот сказал, чтобы он «не лез в государственные дела и даже не занимался историей, поскольку ничего не понимает в политике». Альберт настаивать не стал, но близким своим признался: «Мой брат сошелся с этим негодяем Гитлером. Если он продолжит это, то плохо кончит». Лучше и не скажешь...

Но все было напрасно... Вихрь истории подхватил Германа, и он с энтузиазмом принялся выполнять поставленную ему Гитлером задачу: превратить СА в мощное военизированное формирование, полностью подчиненное нацистской партии и ее вождю. Впоследствии Геринг скажет: «С самого начала я старался ввести в штурмовые отряды членов партии, молодых идеалистов, чтобы они посвящали этому все свое свободное время и отдавали всю свою энергию. [...] Затем я стал набирать рабочих». Действительно, он вовлек в ряды СА докеров, конторских служащих, токарей, разнорабочих, крестьян, студентов, ремесленников и безработных, и те присоединились к уже проходившим воинскую подготовку молодым активистам, бывшим военным, членам различных подразделений «Добровольческого корпуса» и уголовникам. Этому разношерстному воинству Геринг постарался привить высокий дух коллективизма, что потребовало большой отдачи; спустя несколько лет он так написал об этом: «Я часто бывал на работе до 4 часов утра, возвращался в кабинет в 7 часов. У меня не было ни минуты отдыха».

На самом деле Геринг ведал большей частью набором, агитацией и пропагандой. Обучением терпеливо и со знанием дела занимался его помощник, лейтенант Хоффман. Но по чести, как правило, достаются тем, кто чаще показывается на глаза начальству, а это Геринг умел делать лучше других... Как бы там ни было, результаты не замедлили себя ждать: вскоре по улицам всех городов Баварии шествовали отряды штурмовиков, четко держащие строй. На них были фуражки с козырьками, коричневые рубашки со свастикой на рукаве: черный крест на белом фоне. Пусть они пока были не вооружены, но их хорошо обучили владеть оружием. И все знали, что капитан Рём мог «позаимствовать» у рейхсвера ружья и пулеметы сразу же, как в них появится необходимость. Чтобы не провоцировать армию, младшему командному составу и руководителям СА присваивались специальные звания: шарфюрер, штурмбанфюрер, оберштурмбанфюрер, штандартенфюрер и группенфюрер³⁰, а рядовые штурмовики были сведены в штандарты (полки) по 4000 человек в каждом.

К апрелю 1923 года в рядах СА числилось уже 11 000 человек – это целая кадровая дивизия, – и Геринг провел один из полков по улицам Мюнхена. Карин описала это шествие

³⁰ Соответствуют званиям унтер-фельдфебель, майор, подполковник, полковник, генерал-лейтенант. Специальные звания СА в несколько модифицированном виде заимствовали эсэсовцы.

в письме своему сыну Томасу с характерным для нее простодушным энтузиазмом: «Твой второй отец организовал торжественное шествие молодых немцев перед своим фюрером, и я увидела, как загорелись его глаза, когда он смотрел, как они маршировали. Любимый³¹ так много с ними работал, так вдохновил своей смелостью и героизмом тех, кто совсем недавно были разношерстной толпой, могу признаться, довольно мрачными типами, что они превратились в объединение восторженных крестоносцев, готовых маршировать по приказу фюрера, чтобы освободить эту несчастную страну. [...] По окончании парада фюрер пожал руку любимому и сказал мне, что если бы он признался, что по-настоящему думает об этой подготовке, у любимого от гордости раздулась бы голова. Я ответила, что моя голова и без этого уже раздулась, настолько я горда. Он поцеловал мне руку со словами: “Такая красивая голова, как ваша, никогда не может раздуться”. Возможно, это был неуклюжий комплимент, но мне он доставил удовольствие».

Однако впечатленная Карин была далека от реальности, причем весьма зловещей, поскольку «восторженные крестоносцы» без колебаний ввязывались в драки на собраниях коммунистов или социалистов, а Геринг даже отправил своих коричневорубашечников в редакцию партийной газеты «Фёлькишер беобахтер», чтобы воспрепятствовать аресту ее главного редактора Дитриха Эккарта. Это было явной демонстрацией силы, попыткой помешать исполнению судебного предписания об аресте Эккарта и припугнуть власти. Но нацисты теперь чувствовали себя достаточно сильными, чтобы осмеливаться на подобные действия...

Следует признать, что события весны 1923 года играли им на руку. Франко-бельгийская оккупация Рура вызвала в Германии волну народного гнева, и население Рурской области по призыву правительства рейхсканцлера Куна стало оказывать оккупантам «пассивное сопротивление». В это время германское государство взяло на себя выплату заработной платы бастовавшим рабочим Рурского региона, но вскоре экономическая ситуация обострилась катастрофически из-за простоя производства и резкого обесценивания денег.

Когда коммунисты вошли в правящую коалицию земель Саксония и Тюрингия, инфляция нарастала скачкообразными темпами: если в феврале один доллар стоил 50 000 марок, то в марте уже 80 000, в апреле – 95 000, а в мае – 120 000. С этого момента все сбережения среднего класса начали таять, как снег на солнце, а рабочим, служащим и пенсионерам, не имевшим никаких средств на пропитание, приходилось буквально заботиться о выживании. В сложившейся ситуации значительно ослабили позиции правительства рейхсканцлера Куно и заметно выросла популярность экстремистов всех мастей, в том числе НСДАП. В конце весны 1923 года эта партия насчитывала в своих рядах уже 35 000 членов в Мюнхене и 150 000 в земле Бавария... Теперь уже Гитлеру хотелось как можно скорее перейти к действию, чтобы сбросить с постов «ноябрьских преступников»³² и захватить власть в Берлине.

Очень сложная обстановка в Баварии способствовала ему: дело в том, что баварцы, в большинстве своем католики, стоявшие на позициях регионализации, в принципе были против ратовавших за централизм протестантов Берлина, где социалистические руководители страны вступили в союз с коммунистами, опустошившими Баварию в 1919 году. Именно поэтому власти Мюнхена с распростертыми объятиями встретили националистические движения, попросившие пристанища в этой земле. А премьер-министр Баварии Густав фон Кар видел в Адольфе Гитлере, несмотря на то что побаивался «этого нахального австрияка», потенциального союзника в своем противостоянии берлинским властям³³. То же, что фон Кар был не только сепаратистом, но и монархистом³⁴, еще больше запутывало и без того сложную ситуа-

³¹ То есть Герман Геринг.

³² Одно из самых любимых выражений фюрера, который постоянно использовал его в своих выступлениях. Имел он в виду конечно же политиков, подписавших перемирие 1918 года, и их последователей.

³³ В 1921 и 1922 годах он уже отказался соблюдать принятый в Берлине «Декрет о защите республики».

³⁴ Другими словами, сторонником кронпринца Рупрехта, сына короля Баварии Людвига III и наследника трона династии

цию... Что касается его преемника фон Книлинга, тот так боялся перехода власти в руки левых сил, что вообще отказывался предпринимать какие-либо действия против НСДАП. Одним из тех людей, кто поддерживал сепаратистскую программу фон Кара, был командующий военным округом рейхсвера в Баварии генерал Отто фон Лоссов; его преданность Веймарской республике периодически ослабевала, и в эти продолжительные периоды он планировал свергнуть социалистическое правительство в Берлине и установить в стране военную диктатуру. Так вот, генерал фон Лоссов, также видевший в Гитлере потенциального союзника, позволял рейхсверу поставлять оружие отрядам СА, а своему начальнику Хансу фон Зеекту представлял фюрера как «политического пророка». Если ко всему этому добавить, что добрая половина баварских функционеров, судейских и полицейских чиновников относились к Гитлеру весьма благожелательно, что три четверти мюнхенской тайной полиции поддерживали его, что министр юстиции Баварии Гюнтер был тайным сторонником фюрера и что содействие Эрнста Пенера, шефа городской полиции Мюнхена, помогало Гитлеру срывать все попытки министра внутренних дел Швейера арестовать его или выслать из земли, то становится понятно, почему фюрер решил, что может переходить от слов к делу без особого риска...

Демонстрация силы была намечена на 1 мая 1923 года. Гитлер хотел помешать социалистам провести их традиционную манифестацию на улицах Мюнхена и 30 апреля попросил у фон Лоссова разрешение провести парад отрядов СА и других военизированных подразделений НСДАП. Но командующий баварским округом рейхсвера категорически отказал ему в этой просьбе вместе с полковником фон Шайссером, начальником баварской полиции. Они дали фюреру понять, что прикажут стрелять по любому шествию, которое будет нарушать общественный порядок. Но Гитлер уже отдал сигнал сбора утром следующего дня, и в Мюнхен начали стекаться штурмовики со всей Баварии. Было поздно приказывать им возвращаться по домам, поскольку это грозило потерей авторитета... Поэтому утром 1 мая несколько тысяч членов СА с оружием, взятым Рёмом с воинских складов, собрались на учебном плацу в Обервизенфельде. Перед ними стояли фюрер в стальном шлеме и Геринг в сверкающей наградами парадной форме. Но около полудня появился Рём с двумя подразделениями армии и полиции, которые окружили учебный плац. Фон Лоссов рекомендовал Рёму передать Гитлеру требование отменить парад и незамедлительно сдать оружие, в противном случае «он ответит за последствия».

Некоторые из руководителей СА, в частности Грегор Штрассер и подполковник Крибель, предложили применить силу и обезоружить окруживший их малочисленный отряд. Но разочарованный Гитлер внезапно отказался от выступления, и после обеда штурмовики сдали оружие на военные склады и разошлись. Это стало поражением без боя, настоящим публичным унижением, и многие обозреватели принялись предсказывать, что НСДАП от этого удара больше не оправится. Да и сам Гитлер, казалось, подтверждал это предположение: в течение последовавших месяцев он сел себя очень сдержанно, а на лето уехал в горы в Берхтесгаден. Его помощники продолжали периодически собираться на вилле Геринга в Оберменцинге, где перекраивали мир в ожидании наступления лучших времен... Для Геринга конец того лета был омрачен дважды: 28 августа в возрасте пятидесяти семи лет внезапно умерла его мать Франциска, а Карин, настоящая на своем присутствии на похоронах, сильно простудилась и слегла с воспалением легких.

Тринадцатого августа в Берлине на посту рейхсканцлера Куно сменил лидер Немецкой народной партии Густав Штреземан³⁵. Никто не ставил и девальвированной марки на то, что новое правительство протянет долго в стране, где «пассивное сопротивление» разрушило эко-

Виттельсбахов.

³⁵ Он сформировал коалиционное правительство, куда вошли представители Немецкой народной партии, католической партии «Центр», Немецкой демократической партии и Социал-демократической партии Германии.

номику и вызвало беспрецедентное падение стоимости национальной валюты: в августе доллар стоил 4 620 455 марок, а в сентябре уже 98 860 000 марок... Недовольство было всеобщим, участились призывы к забастовкам, коммунисты грозили захватом власти в Саксонии и в Тюрингии, а французы поощряли сепаратистское движение в Рейнской области. Гитлеру все происходящее снова позволило выйти на политическую авансцену: в течение лета он заручился активной поддержкой генерала Людендорфа, его партия получила значительную финансовую поддержку от ряда немецких промышленников и некоторых богатых поклонниц³⁶, а также от многочисленных симпатизировавших ему швейцарцев и чехов. А сам фюрер, охваченный неким приступом мессианства, стал с тех пор говорить своему окружению, что он «войдет в Берлин, как Христос вошел в храм Иерусалима, и изгонит оттуда всех торгашей». Второго сентября в ходе большого митинга националистов в Нюрнберге, посвященного «Немецкому дню», Гитлер присутствовал на параде вместе с генералом Людендорфом и принцем Людвигом Фердинандом Баварским. Там он произнес весьма выразительную речь, желая сгладить ужасное впечатление от неудачи 1 мая. По окончании митинга НСДАП договорилась о союзе с тремя полувоенными организациями: «Союз Родины», группа Россбаха (одно из формирований «Добровольческого корпуса») и «Знамя рейха». Так образовался «Немецкий союз борьбы». Общее военное руководство должен был отныне осуществлять подполковник Крибель, но спустя три недели Адольф Гитлер по наущению Рёма принял на себя «политическое руководство». В результате его влияние значительно усилилось, а последовавшие вслед за этим политические события очень скоро дали ему возможность это продемонстрировать...

Дело было в том, что 26 сентября 1923 года канцлер Штресеман объявил об окончании пассивного сопротивления французам и о возобновлении репарационных выплат. Этот вполне оправданный с экономической и политической точек зрения шаг вызвал гнев всех националистических движений Германии. В газете «Фёлькишер беобахтер» Гитлер разразился оскорблениями и пообещал провести четырнадцать собраний, в ходе которых собирался разоблачить предательство берлинских властей. Последовавшая националистическая агитация вызвала настоящую цепную реакцию: баварское правительство назначило бывшего премьер-министра фон Кара «генеральным комиссаром» земли, и в его руках оказалась сосредоточена вся исполнительная гражданская и военная власть. Фон Кар начал с того, что запретил собрания НСДАП, о которых объявил Гитлер, и продолжил укреплять личную власть над располагавшимися в Баварии частями рейхсвера. Это грозило учреждением диктатуры и отделением Баварии, и по просьбе рейхсканцлера Штресемана президент Эберт ввел в стране чрезвычайное положение. Согласно статье 48 Конституции Веймарской республики, вся исполнительная власть перешла к министру обороны Отто Гесслеру и командующему рейхсвером генералу фон Зеекту, и те начали восстанавливать порядок в стране. Для начала командующему 8-м (баварским) военным округом генералу фон Лоссову было приказано закрыть все типографии газеты «Фёлькишер беобахтер». Тот отказался выполнять это распоряжение и заявил, что приказы ему могут отдавать только власти Баварии. С этого момента у Берлина выбора больше не осталось, и 20 октября фон Лоссов был смещен со своего поста, а на его место назначен генерал фон Крессенштейн. Но именно тогда и суждено было сбыться наихудшим опасениям центрального правительства: фон Кар заявил, что генерал фон Лоссов остается во главе вооруженных сил Баварии, потребовал отставки правительства Штресемана и сконцентрировал войска на границе Баварии и Тюрингии. Ситуация грозила разрывом между берлинским правительством и властями Мюнхена, где к тому времени всем распоряжался триумвират в лице фон Кара, фон Лоссова и полковника фон Шайссера, начальника полиции земли Бавария.

Для нацистов сложилась крайне благоприятная обстановка. Гитлер, Людендорф и Геринг поочередно побывали в здании, где заседал названный триумвират, пытаясь убедить его высту-

³⁶ В частности, от Хелены Бехштейн, Эльзы Брукман и Винифред Вагнер.

пить на Берлин и свергнуть центральное правительство с помощью «Союза борьбы». Фон Кар и фон Лоссов действительно вынашивали план государственного переворота, но они опасались Гитлера, склонного к политическим эксцессам. Впрочем, недоверие было взаимным: Гитлер подозревал власти Баварии в сепаратистских планах и намеревался избавиться от фон Кара и фон Лоссова сразу же после захвата власти в Берлине. Но пока надо было вовлечь их в диалог и даже представить основными действующими лицами, поскольку сам он не имел достаточных сил для противостояния рейхсверу. «Мы должны скомпрометировать этих людей, – без конца твердил он своему окружению, – чтобы они пошли с нами». Но фон Кар колебался, фон Лоссов тоже, поскольку, несмотря на катастрофически ухудшившееся экономическое положение страны – в сентябре доллар стоил 98 860 000 марок, а в октябре – 25 260 280 000 марок, – правительство Штреземана усилилось в политическом и военном плане: в октябре армия генерала фон Зеекта подавила в зародыше выступление отряда «черного рейхсвера» под командованием майора Бушрукера, жестоко расправилась с попыткой коммунистического путча в Гамбурге и вступила в Саксонию, где разогнала возглавлявшееся коммунистами «правительство пролетарской защиты». Главнокомандующий рейхсвера фон Зеект 3 ноября лично дал понять фон Шайссеру, что ни в коем случае не выступит против центрального правительства Веймарской республики.

Этого хватило для того, чтобы руководство Баварии отказалось от своих планов выступления на Берлин. Но не от планов отделения и реставрации монархии. Шестого ноября фон Кар пригласил к себе представителей «Немецкого союза борьбы», желая отговорить их от любых необдуманных действий. Фон Шайссер заявил, что полностью поддерживает фон Кара, и предупредил, что намерен силой подавить любую попытку путча со стороны «патриотических движений». Наконец, фон Лоссов заявил, что он мог бы поддержать отделение, «если бы оно имело хотя бы 51 процент на успех», но отказался участвовать в каком-либо импровизированном путче, добавив, что следует выждать.

Но именно ждать Адольф Гитлер и не желал: недавно принятый рейхстагом закон вводил «рентную марку», что должно было привести к стабилизации экономического положения в стране. Народное недовольство, самый верный союзник фюрера, могло вот-вот утихнуть, и дальнейшее ожидание грозило ему потерей инициативы. Вильгельм Брюкнер, командир полка СА в Мюнхене, сказал ему: «Я больше не могу сдерживать своих парней. Если ничего не произойдет, они просто разбегутся». Поэтому 6 ноября Гитлер все-таки решил перейти к активным действиям, начать которые запланировал через неделю. Но вечером того же дня он узнал, что фон Кар намерен произнести важную речь во время собрания, которое должно состояться 8 ноября в располагавшемся на левом берегу реки Изар самом большом пивном зале Мюнхена под названием «Бюргербройкеллер». Гитлеру и его окружению все стало ясно: фон Кар и остальные члены триумvirата хотели взять инициативу в свои руки и претворить в жизнь планы по отделению Баварии и восстановлению в земле монархического строя. «Наши противники, – сказал потом Гитлер, – хотели провозгласить некую революцию, если быть точнее, баварскую революцию». Ганфштенгль писал в мемуарах: «Наши информаторы в министерствах и в полиции сообщили нам, что это собрание станет предвестником провозглашения реставрации династии Виттельсбахов и окончательного разрыва с социалистическим правительством в Берлине». А Геринг подтвердил: «Мы предполагали в этой связи, что Бавария [...] могла отделиться».

Для нацистов это могло стать катастрофой: с одной стороны, они выступали за единый рейх – под их руководством, разумеется. С другой стороны, отделение Баварии и все военные действия, которые за этим последовали бы, могли поставить под угрозу их собственный путч. Посему руководители «Немецкого союза борьбы» собрались вечером 7 ноября на совещание, а к 3 часам утра 8 ноября Вебер, Крибель, Шойбнер-Рихтер и Геринг в конечном счете разделили мнение Гитлера: следует перейти к действию вечером текущего дня, когда вся знать соберется

в «Бюргербройкеллер». Гитлер, Геринг и одно подразделение СА должны были захватить пивной зал и схватить основных руководителей правительства. Рём с бойцами «Боевого знамени рейха»³⁷ получил задание захватить штаб 8-го военного округа, Россбах со своим подразделением «Добровольческого корпуса» – занять другие правительственные здания, а члены «Союза Родины» должны были захватить казармы. Времени на подготовку такой сложной операции явно было очень мало, но заговорщики чувствовали поддержку мюнхенцев, опирались на многочисленных сообщников в полиции и рейхсвере. Генерал Людендорф должен был стать символом нацистов, и они были уверены в том, что смогут увлечь за собой трех главных членов баварского правительства – Кара, Лоссова и Шайссера. Короче говоря, речь шла не столько о путче, сколько о подавлении попытки путча, что и объясняло отсутствие заранее подготовленного плана выступления...

Времени на подготовку было слишком мало, так что Герингу удалось собрать всего сотню членов СА, но он все-таки успел заскочить в Оберменцинг и успокоить жену. «Карин плохо себя чувствовала, – вспоминала ее сестра Фани, – она недавно перенесла тяжелое воспаление легких, еще продолжала кашлять и лежала с температурой в постели». Вечером 8 ноября Герман Геринг смог пробыть у постели больной жены всего несколько минут. «У нас много дел, – сказал он ей. – Сегодня в “Бюргербройкеллер” состоится важное собрание, возможно, оно продлится до поздней ночи. Не волнуйся». Больше он ей ничего не сказал, вероятно, не имел на это права.

Действительно, конспирация была такой, что Гитлер поставил обо всем в известность лишь нескольких преданных ему людей, Гесса, Пенера, Графа и Амана, да и то в самый последний момент. Около полудня в редакцию газеты «Фёлькишер беобахтер», где находились Розенберг и Ганфштенгль, словно ураган влетел фюрер с хлыстом для верховой езды в руках. «Дайте мне слово, что никому не расскажете об этом! – произнес он со сдерживаемым нетерпением. И прибавил: – Пробыл наш час. Вечером мы выступаем. Ты, товарищ Розенберг, и ты, товарищ Ганфштенгль, войдете в мою личную охрану. Встречаемся в семь часов возле “Бюргербройкеллер”. Захватите с собой пистолеты».

В тот вечер в пивном зале «Бюргербройкеллер» собралось около 3000 человек. Там находились все руководители баварского правительства, включая премьер-министра фон Книллинга и некоторых членов его кабинета, служащие министерств, офицеры, дипломаты, банкиры, аристократы, предприниматели и несколько журналистов. Ганфштенгль вошел туда примерно в половине восьмого вслед за Гитлером. «Входной коридор был совершенно пуст, – вспоминал он, – если не считать огромного скопления форменных пальто и сабель в гардеробной. Было ясно, что здесь собралась вся элита Мюнхена. Я заметил Гитлера, который тихо занял место возле одной из больших колонн метрах в двадцати пяти от трибуны. Казалось, никто не обращал на нас никакого внимания, и мы стояли примерно двадцать минут с невинным видом. Гитлер, который все еще был в своем длинном непромокаемом пальто, вполголоса беседовал с Аманом, иногда кусая ногти и изредка бросая взгляды на трибуну, где находились фон Кар, фон Лоссов и фон Шайссер. Кар монотонно произносил какую-то невнятную и нудную речь. Я подумал, что это ожидание слишком затягивается, но не стоит мучить себя жаждой, и отправился к буфету, чтобы взять три литровых кружки пива. Помнится, каждая кружка обошлось мне в миллиард марок. Передав две кружки своей группе, я сделал большой глоток из третьей кружки. Гитлер в задумчивости сделал глоток. [...] Кар продолжал буквально усыплять нас. Но когда он произнес слова “а теперь перехожу к рассмотрению...”, которые, насколько я понимаю, предваряли кульминацию его речи, дверь позади нас резко распахнулась, и в зал вихрем ворвался Геринг с горящими глазами. На нем были все его звякающие

³⁷ В организации «Знамя рейха» произошел раскол, и Рём возглавил ту часть, что осталась верна Гитлеру, дав ей новое наименование: «Боевое знамя рейха».

награды. За ним в зал влетели двадцать пять коричневорубашечников, вооруженные пистолетами и автоматами. Какое сразу поднялось волнение! Все произошло мгновенно. Гитлер начал проталкиваться к трибуне, мы устремились вслед за ним. Опрокидывались столы с кружками пива... [...] Гитлер вскочил на стул и выстрелил из пистолета в потолок. Многие считают, что так он хотел запугать собравшихся и подчинить их себе, но я могу поклясться, что он это сделал, чтобы разбудить людей. Нудная речь Кара была таким снотворным, что по меньшей мере треть зала задремала. Я сам едва не заснул стоя...»

Как бы там ни было, Гитлер, разбудив людей, поднялся на трибуну, оттолкнул в сторону ошарашенного фон Кара и прокричал: «Национальная революция разразилась!» Затем, обращаясь к изумленной публике, сказал: «Зал окружен шестьюстами хорошо вооруженных людей. Выйти отсюда никому не удастся. Баварское и берлинское правительства отныне низложены, уже сформировано новое временное правительство. Рейхсвер за нас! Над его казармами развевается наше знамя со свастикой!..» Это был блеф чистой воды: никаких шестьсот человек не оцепили зал – их было всего шестьдесят, Гитлер никак не смог бы низложить правительство в Берлине, находясь в мюнхенском пивном зале. Но полицейские исчезли, у дверей стояли вооруженные бойцы СА, в вестибюле был установлен крупнокалиберный пулемет, и это внушало уважение... Гитлер пригласил фон Кара, фон Лоссова, фон Шайссера и компанию пройти в боковую комнату для обсуждения планов, а в это время Геринг в стальном шлеме на голове поднялся на трибуну и объявил: «лидеры» удалились на совещание, а все остальные будут оставаться на своих местах – и добавил, что «тут есть пиво, чтобы выпить». Весьма довольный произведенным эффектом, он не заметил, что начальник штаба генерала фон Лоссова выскользнул из зала: бойцы СА, из уважения к его мундиру, позволили ему уйти. Этот промах привел затем к серьезным последствиям...

Тем временем в соседней комнате сильно возбужденный Гитлер заявил членам баварского правительства, что «никто не выйдет живым из этого зала без его разрешения». Он потряс пистолетом, а затем, приставив его дулом к своему виску, повторил: «Господа, никто из нас не выйдет из этого зала живым! Вас трое, у меня в магазине четыре патрона, вполне достаточно для нас четверых, если я потерплю неудачу». После чего предложил Кару и Пенеру взять в руки власть в Баварии, а Лоссову и Шайссеру – занять посты в новом правительстве рейха, которое он намерен сформировать с Людендорфом в качестве «главнокомандующего национальной немецкой армией». Беда была в том, что славный генерал запаздывал³⁸, а члены триумвирата оказались не столь вдохновлены предложением, как ожидал Гитлер. Кар и Шайссер дали достаточно прямой ответ, и Гитлер, полный разочарования, покинул комнату, не произнеся ни слова. И все же с поразительной уверенностью в себе он вышел в зал, где Геринг продолжал держать в напряжении присутствующих, и громким отрывистым голосом заявил, что согласие практически достигнуто: «Я провозгласил низложенным правительство ноябрьских преступников и президента рейха. Сегодня и здесь, в Мюнхене, будет сформировано новое правительство. Я предлагаю также сформировать баварское правительство [...] с господином фон Каром в качестве регента и господином Пенером в должности премьер-министра. [...] До тех пор пока не будут окончательно сведены счеты с ноябрьскими преступниками, я предлагаю поручить мне политическое руководство национальным правительством. Людендорф возглавит национальную немецкую армию, Лоссов будет министром обороны, а Шайссер – министром внутренних дел рейха. Ближайшей задачей временного национального немецкого правительства станет поход на Берлин, этот источник унижений, для того чтобы спасти немецкий народ». Затем, кивнув в сторону соседней комнаты, где под усиленной охраной находились

³⁸ Это еще один пример того, насколько спешно готовился путч: Людендорфа, который по идее должен был стать символом путча, никто не предупредил о его начале, и Шойбнер-Рихтер в самый последний момент направился в Людвигсхафен, чтобы доставить генерала в Мюнхен. В спешке старый генерал забыл надеть мундир, что весьма ослабило эффект от его появления в «Бюргербройкеллер».

члены триумvirата, он прибавил: «Кар, Лоссов и Шайссер решились на это с большим трудом. Могли ли вы сказать им, что вы их поддерживаете?» Присутствующие горячо зааплодировали, а Гитлер закончил речь такой театральной фразой: «Немецкая революция должна начаться сегодня ночью, в противном случае на заре мы все будем мертвы!»

Когда Гитлер вернулся к триумvirату в боковую комнату, произошли два события, изменившие обстановку в его пользу. Во-первых, Кар, Лоссов и Шайссер слышали аплодисменты и из этого сделали вывод, что зал поддерживает Гитлера. Во-вторых, в «Бюргербройкеллер» наконец-то появился Людендорф. И каким бы сильным ни было негодование старого генерала на то, что его поставили перед свершившимся фактом, он прекрасно сыграл свою роль: Людендорф заявил, что путч – «великое национальное событие», и призвал трех членов баварского правительства к сотрудничеству с ним. Фон Лоссов якобы ответил: «Желание вашего превосходительства для меня – закон», – позже он будет отрицать это. Как бы там ни было, в конце концов триумvirат уступил. Потом все главные действующие лица вышли в зал, демонстрируя показное единство, и под крики «Виват!» и восторженные рукоплескания всех присутствующих в зале пожали друг другу руки. Гитлер, придя в экстаз, произнес страстную речь. Когда он закончил, зал затянул гимн «Германия превыше всего», а потом все разошлись. За исключением премьер-министра Книллинга, пяти министров его кабинета и еще нескольких важных лиц, которых Гесс бесцеремонно отвел в маленькую комнату на втором этаже, где они должны были оставаться в качестве заложников. А члены нового «правительства» продолжали разговаривать внизу. С начала до конца вся операция продолжалась менее трех часов...

Чуть позже несколько сотен штурмовиков СА, прибывших из окрестностей Мюнхена, и тысяча кадетов пехотного училища усилили маленький гарнизон «Бюргербройкеллера». А на другом берегу реки Изар людям Рёма удалось захватить штаб 8-го военного округа и штаб генерала фон Лоссова на Шенфельдштрассе. Казалось, путч удался, и среди окружения Гитлера царил эйфория. Однако все еще были неизвестны результаты действий в городе других отрядов, поэтому ночь обещала стать длинной. «Я отыскал Геринга, – написал позже Гафштенгль, – и он мне сказал: “Пуци, позвони Карин и скажи ей, что сегодня ночью домой я не приду. И заодно отправь ей по почте вот это письмо”». Таким образом, выходило, что одновременно можно быть беспощадным революционером и очень сентиментальным человеком...

Но 8 ноября еще не закончилось, как путчисты начали ощущать некоторую неуверенность: здания радиостанции, почты и телеграфа не были захвачены, восставшие не контролировали помещение генерального комиссариата полиции, казалось, что они потерпели неудачу и в захвате казарм. Именно этот фактор и оказался позднее решающим: три сотни членов «Союза Родины» должны были захватить оружие в казарме инженерной части, но там их встретили враждебно, а переговоры ни к чему не привели. Из «Бюргербройкеллера» командир «Союза борьбы» подполковник Кребель послал в казарму офицера в качестве парламентария, тем не менее Гитлер тоже решил туда отправиться. Это оказалось большой ошибкой, за которой последовала другая: фюрер оставил генерала Людендорфа в «Бюргербройкеллере» один на один с триумvirатом... И когда полчаса спустя вернулся туда ни с чем, обнаружил, что Людендорф отпустил фон Кара, фон Лоссова и фон Шайссера. На вопрос Гитлера, как генерал мог поверить фон Лоссову, старый герой мировой войны ответил напыщенно, что командующий силами рейхсвера в Баварии пообещал ему содействие, и добавил, что «немецкий генерал никогда не нарушит слова».

Незадолго до полуночи Гитлер, Людендорф, Кребель и Шойбнер-Рихтер пришли к Рёму в захваченный им штаб военного округа. После многочисленных рукопожатий и бесконечных разговоров о светлом будущем национал-социалистской Германии они вернулись к срочным делам. Людендорф попытался связаться с фон Лоссовым, который сказал ему перед уходом из «Бюргербройкеллера», что намерен вернуться в свой кабинет в штабе округа, чтобы отдать все необходимые распоряжения. Но фон Лоссов не только не появился в штабе, его вообще не

могли нигде отыскать. Нацисты послали эмиссаров в комендатуру, однако те не вернулись. Фон Шайссер и фон Кар тоже куда-то пропали... В это время люди Россбаха и кадеты пехотного училища попытались проникнуть в здание генерального комиссариата полиции, где находился кабинет фон Кара, но наткнулись на сопротивление полицейских, пойти на штурм не решились и в конце концов ретировались. Однако именно там и находился в то время фон Кар, получивший свободу действий и перемещения. Он тайно пробрался в казарму 19-го пехотного полка, присоединившись к фон Лоссову и фон Шайссеру. Началось противодействие путчу...³⁹

В начале четвертого утра в захваченном штабе военного округа Рём и Гитлер услышали коммюнике, передававшееся по радио с 2 часов 55 минут. «Генеральный комиссар фон Кар, полковник фон Шайссер и генерал фон Лоссов осуждают организованный Гитлером путч, что касается их обещаний поддерживать путч, они были даны под угрозой оружия, а следовательно, являются недействительными...» Да, обстановка стала осложняться. Гитлер сообщил обо всем этом новоиспеченному премьер-министру Пенеру (который уже собрался лечь спать) и приказал ему взять штурмом штаб полиции с помощью одного из подразделений «Союза Родины». Слишком самоуверенный Пенер отправился туда в сопровождении всего лишь одного офицера, вошел в здание... и был арестован. Тем временем Гитлер, Людендорф и их сообщники незадолго до рассвета вернулись в «Бюргербройкеллер». На улицах Мюнхена было холодно, сыпал мелкий снег, фюрер явно пал духом. Он сказал: «Хорошо, если мы из этого выберемся, в противном случае нам придется повеситься...»

В пивном зале, где в воздухе стояли запахи пива и табачного дыма, все еще находились члены СА и их союзники из «Союза Родины»; к ним постепенно присоединялись их товарищи, подъезжавшие из всех уголков Баварии на легковых автомашинах, грузовиках и даже на лошадях. По пути они обгоняли колонны частей рейхсвера, и поэтому в их рядах царило явное смятение. На втором этаже вожди путча проводили совещание: как всегда спокойный Людендорф потягивал красное вино вместо завтрака и ворчал, что «больше никогда не поверит слову чести немецкого офицера». Гитлер продолжал отдавать распоряжения: одному подразделению штурмовиков он поручил захватить штаб полиции и освободить Пенера, другое было направлено в типографии, чтобы конфисковать свежотпечатанные новые деньги – разве не деньги являются нервом войны? Грегор Штрассер, добравшийся всю ночь из Ландсхута со своими бойцами СА, прибыл в пивной зал на рассвете. Там он встретил Геринга, по-прежнему исполненного боевого духа, в стальном шлеме и в черном кожаном плаще. «Эти типы, – сказал ему Геринг, имея в виду триумвират, – отказались от слова, которое дали фюреру, – но народ по-прежнему с нами. Придется все начинать сначала».

Да, конечно, все начать сначала – но с какого именно момента? К 11 утра в верхней комнате пивного зала «Бюргербройкеллер» собрался военный совет, однако главари путча никак не могли выработать единую тактику действий. Крибель предложил отступить в Розенхайм, поближе к австрийской границе, где можно будет собрать новые подразделения, чтобы вновь перейти в наступление. Геринг его поддержал: в конечном счете там родина фюрера, и можно не сомневаться, что все там отнесется к нему благожелательно. Но Людендорф даже слышать

³⁹ Едва покинув «Бюргербройкеллер», фон Лоссов сразу же направился в комендатуру; комендант мюнхенского гарнизона генерал фон Даннер уже знал о путче от начальника штаба округа, ускользнувшего из пивного зала во время выступления Гитлера. Фон Даннер сообщил обо всем главнокомандующему частями рейхсвера в Баварии фон Зеекту и получил от того приказ незамедлительно подавить путч, «иначе он займется этим лично». Проинформировав обо всем этом фон Лоссова, фон Даннер дипломатично добавил: «Вы дали слово... Но это был блеф, не так ли, господин генерал?» Почувствовав перемену направления ветра, фон Лоссов поспешил подтвердить, что действовал по принуждению, затем перенес свой штаб в казарму 19-го пехотного полка в Обервайзенфельде, предместье Мюнхена, откуда отдал приказы частям рейхсвера, расквартированным в Ландсхуте, Регенсбурге, Аугсбурге и Ингольштадте, выступить на Мюнхен, чтобы подавить путч. Отдать эти приказы было тем проще, что восставшие не захватили здание радиостанции, а Рём, продолжавший занимать штаб военного округа, не взял под контроль узел связи штаба! Фон Шайссер и фон Кар, узнав, что рейхсвер выступил против путчистов, к часу ночи тоже отказались от своих обещаний, отдали полиции приказ арестовывать путчистов и присоединились к фон Лоссову в Обервайзенфельде. И там троим составили официальное сообщение, которое передали по радио в 2 часа 55 минут ночи...

не хотел ничего подобного. Он заявил: «Не может быть и речи о том, чтобы движение сползло в грязный кювет на какой-то темной проселочной дороге...» Гитлер колебался, а в это время ситуация в Мюнхене продолжала меняться. Путчисты узнали, что находившегося в штабе военного округа капитана Рёма с его людьми окружили полицейские и военные, грозившие взять здание штурмом. И тогда Людендорф четко указал направление действий: надо всеми силами выдвинуться к центру Мюнхена, чтобы оказать помощь Рёму. Гитлер моментально поддержал это предложение. «Нам следовало направиться в центр города, – позже написал он, – чтобы привлечь на нашу сторону народ [...] и посмотреть, как Кар, Лоссов и Шайссер отнеслись бы к широкому проявлению общественного мнения. В конечном счете эти господа были не настолько глупы, чтобы стрелять из пулеметов по восставшему народу. Так мы решили двинуться в город».

Жребий был брошен: около половины двенадцатого нацисты выстроились колонной перед пивным залом и двинулись к центру города. Во главе колонны ехал грузовик с вооруженными бойцами СА и пулеметом; восемь человек держали черно-бело-красные флаги, другие несли знамена со свастикой. Позади грузовика двигалось все руководство движения: в первом ряду шли Гитлер, Людендорф и Шойбнер-Рихтер, за ними следовали Крибель, Граф, Розенберг и Геринг (по-прежнему в каске и черном кожаном плаще, который он распахнул, чтобы были видны его награды). За ними ступали три подразделения в колонну по четыре, слева шли сто человек из личной охраны Гитлера в стальных шлемах, с карабинами и ручными гранатами. Справа маршировали члены «Союза Родины», а в центре шли бойцы мюнхенского полка СА с пистолетами в руках. Позади штурмовиков двигались кадеты пехотного училища, вооруженные ружьями с примкнутыми штыками, студенты, мелкие торговцы, рабочие, несколько предпринимателей. У каждого участника шествия на левой руке была надета повязка со свастикой. Всего в марше принимали участие около 2000 человек...

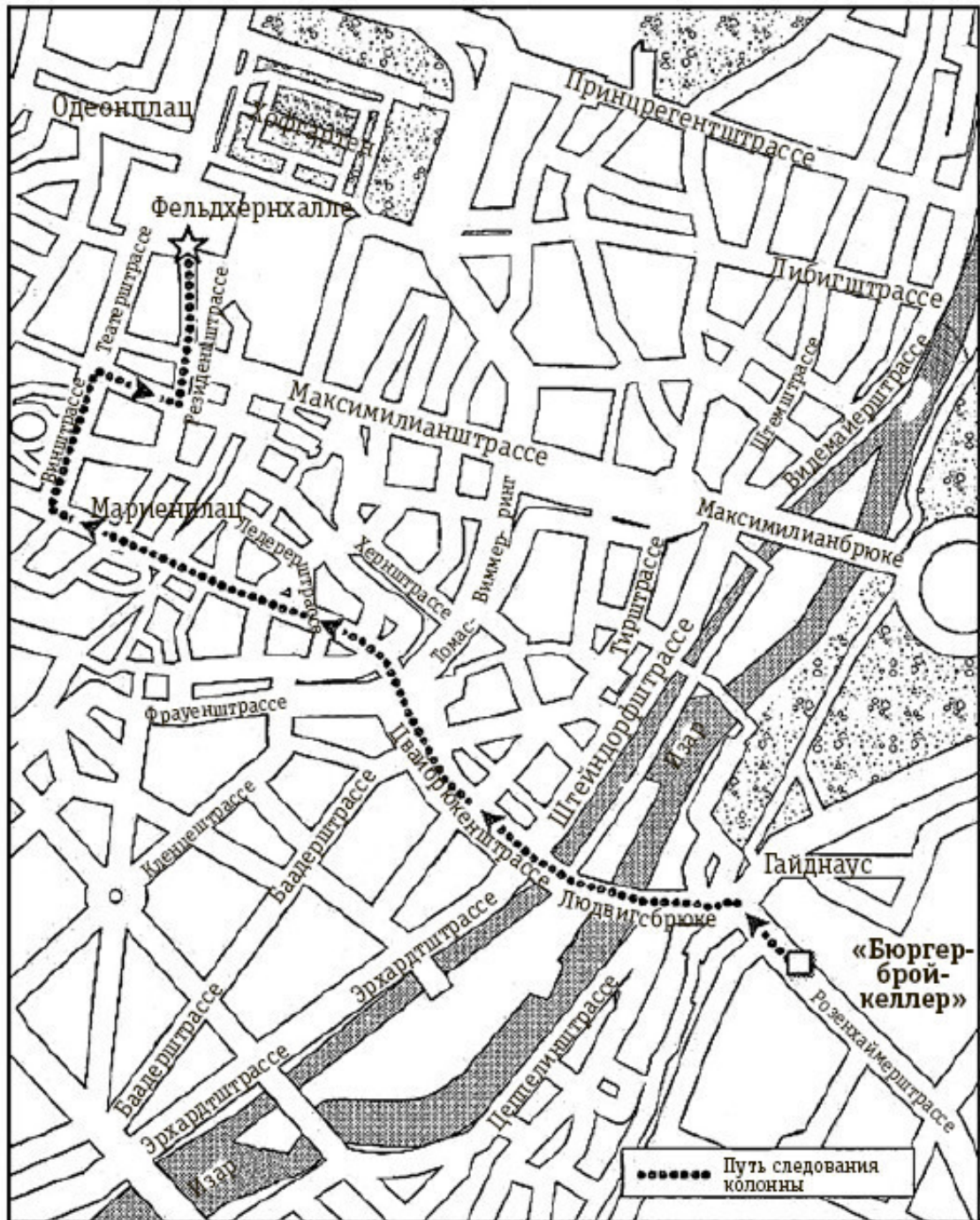
Было довольно прохладно, небо заволочли свинцово-серые тучи, время от времени срывался снег, а укрывший Мюнхен с ночи белый ковер превратился в грязную жижу, тормозившую движение. Спустя четверть часа колонна дошла до моста Людвигсбрюке, соединявшего два берега реки Изар. Вход на мост преграждал небольшой отряд полиции, но штурмовики оттеснили его, и колонна без помех прошла по мосту и вступила на Цвайбрюкенштрассе. По обеим сторонам улицы стояли жители Мюнхена, приветствовавшие нацистов и махавшие флажками со свастикой. Вскоре ими овладел стадный инстинкт, и многие зеваки присоединились к шествию, которое в половине первого дня достигло Мариенплац. Площадь вся была заполнена людьми, из окон домов свешивались флаги со свастикой, такой же флаг висел на фронтоне мэрии, а приветствия публики звучали на фоне патриотических песен. Однако на стенах зданий уже были расклеены объявления о том, что НСДАП и «Союз борьбы» запрещены, а их руководители объявлены в розыск. Но на это, казалось, никто не обращал никакого внимания...

При выходе с Мариенплац образовался затор: грузовик оказался в середине шествия, позади тех, кто шел впереди колонны. Те в нерешительности замедлились, не зная, какую улицу выбрать. Но Людендорф решительно направился вправо, на Винштрассе, в направлении Одеонплац, и колонна машинально последовала за заслуженным генералом. Для того чтобы выйти на площадь, требовалось пройти по узкой улице, Резиденцштрассе, где можно было двигаться только по восемь человек в ряд. А в конце этой улицы напротив Фельдхернхалле выстроилось подразделение государственной полиции. Командовал кордоном лейтенант фон Годин, получивший от Шайссера строжайший приказ не допустить выхода колонны на Одеонплац. Шествие остановилось перед полицейским заслоном. Ульрих Граф, выступив вперед, крикнул: «Не стреляйте! Не стреляйте! Здесь находится его превосходительство генерал Людендорф!» А Гитлер якобы добавил: «Сдавайтесь!», что никак не способствовало разрядке атмосферы. Внезапно раздался выстрел: несомненно, стрелял кто-то из колонны. И тогда полицейские,

не дожидаясь приказа, открыли огонь. Перестрелка продлилась всего полминуты, но за это время 16 нацистов и трое полицейских замертво упали на мостовую, многие получили ранения. Граф заслонил собой Гитлера и был тяжело ранен. Шойбнер-Рихтер погиб, когда оттащивал Гитлера, упавшего на мостовую. Гитлер решил, что ранен в бок, хотя на самом деле всего лишь вывихнул левую руку, когда падал. Курт Нейбауэр, слуга, став живым щитом для Людендорфа, был практически разрезан надвое залпом. Сам же старый генерал с достоинством двинулся в направлении полицейского кордона. Полицейские почтительно расступились перед уважаемым ветераном войны и дали ему пройти. Тем временем Гитлер отступил, шатаясь, в хвост колонны, соратники усадили его в машину и быстро увезли в безопасное место. Среди тел, оставшихся лежать в конце улицы, оказался и Герман Геринг: получив тяжелое ранение в бедро, он смог доползти до каменного льва перед входом во Фельдхернхалле и остался лежать за этим укрытием. Два бойца СА подняли его и занесли в ближайший подъезд дома № 25 по Резиденцштрассе. Постучав в первую же дверь, за которой оказалась квартира продавца мебели Роберта Баллина, они спросили: «Не могли бы вы приютить раненого? Он – кавалер ордена “За заслуги”...» Баллин ответил без раздумий: «Я рад принять любого, кто попал в беду, независимо от того, имеет он награды или нет!»

Карта 4

Неудавшаяся попытка путча 9 ноября 1923 г. в Мюнхене

К счастью, жена продавца мебели и ее сестра во время войны были санитарками. Они уложили раненого, остановили кровотечение, обработали, как могли, рану и обратились за помощью к Альвину Риттеру фон Ашу, симпатизировавшему нацистам профессору, имевшему в Мюнхене собственную клинику. Обе женщины ухаживали за Герингом до наступления ночи, после чего его тайно доставили в клинику. Их поступок весьма символичен, ведь они знали, что Германа Геринга уже разыскивает полиция, им было известно, какую идеологию проповедует его партия, и они... были еврейками.

Фани, сестра Карин, слышала перестрелку издали, но ничего не смогла узнать о судьбе руководителей нацистов. Лишь поздно ночью к ним явился один из членов СА и рассказал Карин, что Геринг ранен и доставлен в клинику профессора Аша. Карин, которой из-за температуры и кровохарканья врачи предписали постельный режим и строжайше запретили вста-

вать с кровати, незамедлительно потребовала вызвать машину, и через полчаса она уже была у постели своего Германа. «Совершенно успокоившись, она стала теперь хозяйкой ситуации, – записала Фани. – Держа руку мужа в своей руке, ни на секунду не сводя с него глаз, она напряженно размышляла. [...] Дорога была каждая секунда. Требовалось немедленно разработать какой-нибудь план, предупредить друзей. Герман Геринг должен был покинуть город до рассвета, даже рискуя жизнью, даже если бы у него вновь началось кровотечение, а боль стала бы невыносимой». Действительно, Геринг был плох: пуля вошла в верхнюю часть бедра и осталась в пяти миллиметрах от бедренной артерии, так что опасность кровотечения представлялась довольно реальной. Но опасность ареста была намного серьезнее: Фани только что узнала, что фон Лоссов приказал схватить Геринга. Живым или мертвым...

С помощью нескольких членов СА раненого перенесли в машину и отвезли в Гармиш-Партенкирхен, населенный пункт в 90 километрах южнее Мюнхена. Верные друзья приютили Геринга на своей вилле, но не прошло и двух дней, как эта новость облетела весь городок, а возле дома начали собираться сочувствующие нацистам жители, чтобы поприветствовать беглеца. «Нам показалось, что лучше уехать за границу, в Австрию, – написала позже Карин своей матери. – Мы добрались до границы на машине, но там нас остановили, и вооруженные полицейские отвезли нас назад в Гармиш. Собравшиеся по обе стороны дороги толпы кричали: “Да здравствует Геринг!” – и ругали полицейских. Возмущенная толпа едва не расправилась с ними. Несмотря на тяжелое состояние, Герману пришлось успокоить людей, сказав им, что полицейские всего лишь выполняют свой долг».

По приезде в Гармиш-Партенкирхен полицейские отвезли задержанного Геринга в местную больницу, отобрали у него паспорт и оставили под надежной охраной. Но местные нацисты, имевшие много сообщников среди полицейских, быстро выправили для него новый паспорт, и вскоре был разработан план побега. «Все произошло, как в сказке, – писала матери Карин. – Германа донесли до машины (он сам не мог сделать ни шага), а затем, одетого лишь в ночную рубашку, прикрытого меховым манто и несколькими одеялами, за два часа довели до границы, которую ему удалось пересечь благодаря фальшивому паспорту». Верная Карин присоединилась к мужу на следующий день, пробравшись в Австрию *пешиком* по горным тропам... Если учесть, какие напряженные усилия прилагала в течение семидесяти двух часов эта исхудавшая женщина, которой врачи строжайше запретили вставать с постели, то следует отдать должное этой победе моральной силы над физической слабостью.

Так Геринг оказался вне досягаемости баварских властей, но его положение продолжало оставаться сложным: партия, главные руководители которой вскоре оказались за решеткой⁴⁰, лишилась сил, в Мюнхене было конфисковано все его имущество, банковские счета были заморожены, а за его поимку власти пообещали награду. Германия теперь была для него закрыта, Австрия приняла его довольно сдержанно, он лишился средств. К тому же он не мог двигаться из-за раны, поскольку она доставляла ему страдания. Для человека, который всегда стремился к славе и достатку, ситуация сложилась крайне незавидная...

⁴⁰ Начиная с Гитлера, который был арестован 11 ноября в Уффинге в летней резиденции Ганфштенгля, где нашел себе убежище.

V

Падение в ад

В Инсбруке, где множество австрийцев сочувствовали нацистам, бежавших участников неудавшегося путча приняли очень тепло, но именно там Герман Геринг пережил самый тяжелый период своей жизни... Утром 12 марта его отвезли в городскую больницу, где врачи констатировали, что пулевое ранение привело к обширному воспалению. Требовалось срочно оперировать Геринга, а он уже очень ослабел от потери крови, недосыпания и постоянных перемещений. Операция прошла успешно, но еще двое последовавших за ней суток Геринг без конца метался в бреду под действием высокой температуры и хлороформа. При нем постоянно находилась Карин, преданная жена, чье хрупкое здоровье подверглось суровым испытаниям из-за ста двадцати часов бессонницы, постоянной тревоги и тяжелых физических нагрузок.

Снова придя в сознание, раненый нацист смог удостовериться, что его состояние вызывает опасение, но он не покинул: его постоянно навещали симпатизирующие ему люди, в частности Паула, сестра Гитлера, Винифред и Зигфрид Вагнер, Хьюстон Стюарт Чемберлен, верный Боденшпац и все главные участники путча, которым удалось укрыться в Австрии: Эссер, Россбах, Людеке, Гофман и Ганфштенгль, давшие друг другу клятву воссоздать нацистское движение из Зальцбурга, тем более что в Баварии осталось много сообщников. Курт Людеке, тем не менее, покинул больницу несколько разочарованным в Геринге, но под большим впечатлением от его жены. Он вспоминал: «Фрау Геринг была очаровательной женщиной, спокойной и симпатичной, ее осанка и походка отличались особым благородством. Геринг не скрывал, что обожает ее, и полагаю, что в глубине души он осознавал, что она намного выше него. Я был того же мнения».

Пока Геринг был прикован к постели болью, а остальные беглые лидеры нацистов начали переправлять в Баварию листовки с призывами к отделению, Карин пришлось добывать средства к существованию в чужом городе, куда она приехала без гроша. К счастью, они с мужем оказались в дружественном окружении, а хозяин комфортабельного отеля «Тиролер Хоф», убежденный нацист, выразил готовность сделать ей тридцатипроцентную скидку за проживание, предоставить кредит... и не давить в случае задержки оплаты! Ганфштенгль, навестивший Геринга, поразился, став свидетелем такой щедрости: «Я проводил Карин в ее гостиницу и с удивлением обнаружил, что она живет в роскоши. Мы, остальные беглецы, жили бродягами, но у семейства Герингов такого никогда не было». Бедствовать весьма грустно, особенно когда приходится в чем-то себе отказывать!

Но состояние Германа Геринга вдруг резко ухудшилось, о чем Карин написала матери 30 ноября: «Четыре дня назад рана, которая уже начала заживать, вновь открылась, и из нее вышло много гноя. Сделали рентген и обнаружили, что внутри еще остались осколки пули и каменной крошки с мостовой, которые и вызывают воспаление. Пришлось делать операцию под наркозом, и после этого он три дня был без сознания, кричал, командовал уличным боем и стонал от ужасной боли. Вся нога у него опутана резиновыми трубками, по которым выходит гной. [...] Я перебралась в больницу три дня назад, чтобы быть рядом с ним. [...] Планов на будущее у нас нет, да мы и не можем их строить. Все зависит от того, как будет складываться обстановка в Германии, в частности в Баварии».

А в тот момент дела развивались довольно плохо для национал-социалистов: фон Кар и фон Лоссов заверили Берлин и главнокомандующего рейхсвером фон Зеекта в том, что они контролируют ситуацию и что «патриотические ассоциации» разоружены. Что Гитлер посажен в тюрьму Ландсберга, большинство его оставшихся на свободе сподвижников арестованы, другие, в том числе Рудольф Гесс, сами сдались, и что в начале 1924 года всех путчистов ждет

суд. Геринг по-прежнему находился в розыске, за его домом в Мюнхене установлено наблюдение, вся его почта конфисковывается, его счета в банке заморожены. Был даже выписан ордер на арест Карин за пособничество мужу в бегстве. В Зальцбурге положение нацистов тоже было незавидным. «Мы делали все возможное, чтобы поддерживать контакт с Мюнхеном, – вспоминал позже Курт Людеке, – но отдавали себе отчет в том, что с учетом сложившихся обстоятельств трудно убеждать людей в том, что наше дело не проиграно... Если честно, мы и сами в это не очень-то верили. Партия была запрещена, и мы никак не могли рассчитывать на финансовую поддержку ее бывших членов».

Все это никак не могло способствовать укреплению морального духа Геринга, состояние здоровья которого продолжало ухудшаться. Вот что Карин написала по этому поводу своей сестре Лили: «Я ничем не могу ему помочь. Рана сильно гноится, воспалено все бедро. Боль такая сильная, что Герман не может говорить, только мычит и кусает подушку. Прошел ровно месяц со дня его ранения, но, несмотря на ежедневные уколы морфина, боль не стихает». Так и было: чтобы облегчить страдания больного и дать ему поспать, австрийские врачи действительно прописали ему уколы морфина, которые делались два раза в день. Доктора сознательно пошли на это, прекрасно понимая, что существовала опасность привыкания, но так было необходимо, и лечение продолжалось. В итоге Герман Геринг попал в ужасную зависимость, последствия которой он никак не мог предвидеть...

Но постепенно крепкий организм раненого начал побеждать недуг, и 22 декабря врачи извлекли дренажные трубки, поставленные по всему бедру. С этого момента боль начала резко стихать, и Геринг пожелал немедленно покинуть больницу! Врачи не соглашались его отпустить, но пациент оказался очень настойчивым и убедительным, и накануне Нового года Геринг самостоятельно перешагнул порог больницы, опираясь на два костыля. Карин с нетерпением ждала его в отеле «Тиролер Хоф». «Я постаралась придать комнате хоть какой-то уют, – написала она потом отцу. – [...] Местные штурмовики подарили нам небольшую елку, каждая лампочка на которой была украшена черно-бело-красными ленточками. Герман целый день ковыляет на костылях, не находя себе места. [...] Мы с ним долго сидели рядом и, наблюдая, как светятся лампочки, обсуждали все, что произошло. Мне было больно сознавать, что Герману пришлось стать беженцем, что его преследовали власти его родной страны! Вечером, когда стемнело, я [...] накинула пальто и вышла на улицу подышать воздухом». Увы! Воздух оказался слишком свежим – снаружи разыгралась настоящая снежная буря, – а Карин настолько погрузилась в свои мысли, что пробыла на улице слишком долго... На следующий день у нее поднялась температура, вынудившая ее несколько дней пролежать в постели. Из-за хрупкого здоровья и накопившегося утомления Карин тяжело перенесла простуду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.